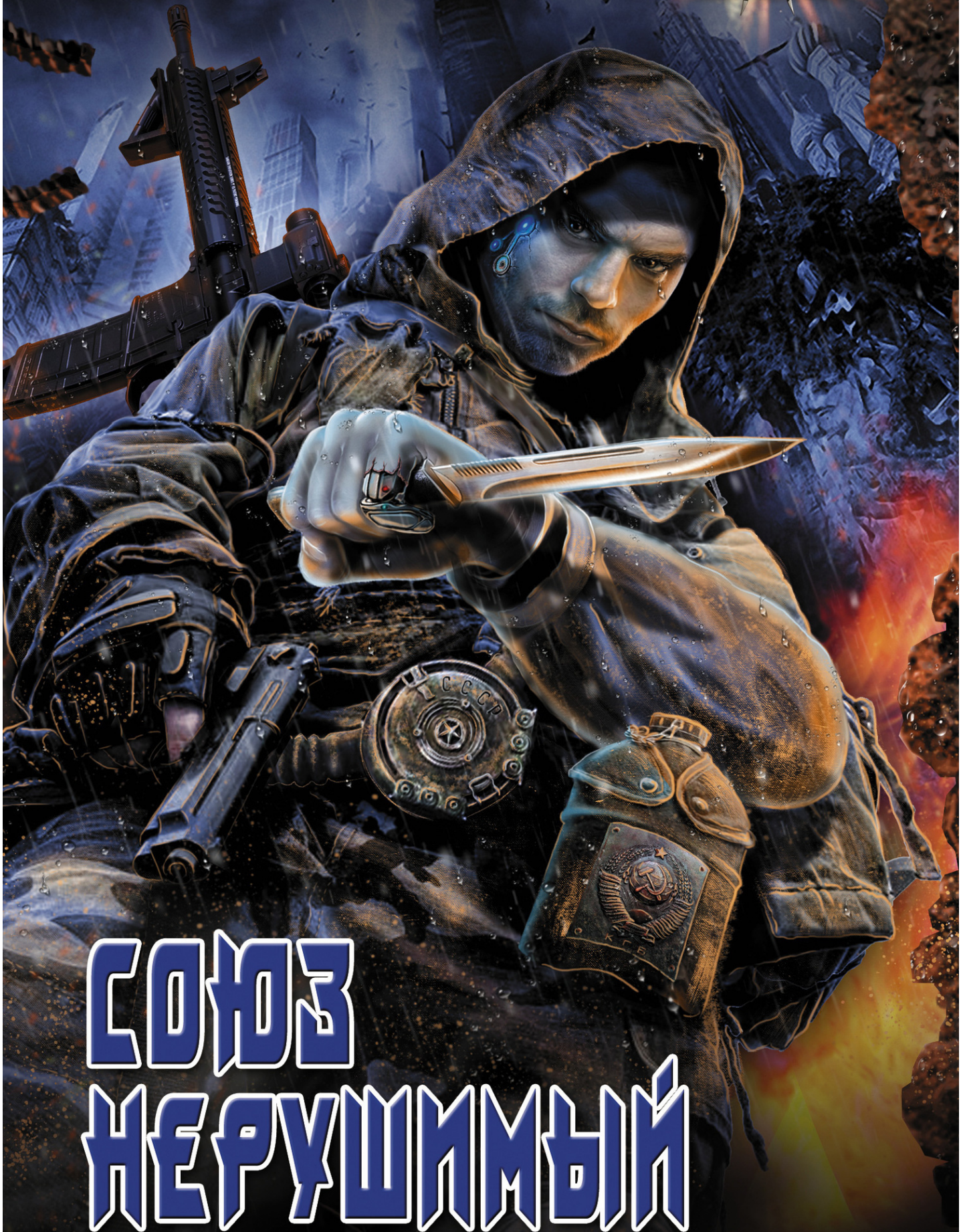

ЮРИЙ СИЛОЧ

СОЮЗ
НЕРУШИМЫЙ

Боевая фантастика (АСТ)

Юрий Силоч

Союз нерушимый...

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Силоч Ю. В.

Союз нерушимый... / Ю. В. Силоч — «Издательство АСТ»,
2019 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-118490-2

Отгремели ядерные взрывы, прокатилась по стране ужасающая война, и на пепелище, движимые ностальгией по «светлому прошлому», люди воздвигли новый Советский Союз — или, верней, страну, которая им притворялась. Дворец Советов, компартия, плановая экономика, старые бренды и в то же время — компьютерные сети, кибернетика, полёты в космос, клонирование и роботы. Этот мир хотели сделать миром Алисы Селезнёвой, но реальность внесла свои коррективы в мечты о всенародном счастье. И майор КГБ Иванов, кибернетический рыцарь без страха и упрёка, ещё не знал, что ему придётся проверить, насколько нерушим возрождённый Союз «республик свободных».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118490-2

© Силоч Ю. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Юрий Силоч

Союз нерушимый

1

– Этих ещё не хватало... – процедил один из милиционеров, увидев, как я вылезая из чёрной служебной «Волги». Он знал, что я его услышу – не мог не знать, – а потому фраза явно была намеренным оскорблением. Но мне очень хотелось спать и, наоборот, не хотелось тратить драгоценное время на дураков. Двадцать шагов от высокого каменного бордюра Кутузовского проспекта, по которому неслись сквозь ночь яркие «Москвичи» и «Лады». Привычным движением я приподнял рукав пальто – и в воздухе соткалось спроецированное запястьем служебное удостоверение, подрагивавшее в холодном октябрьском воздухе.

– Майор Иванов, – представился я. – КГБ. Отойдите за ограждение и ждите дальнейших указаний.

Люди в форме и в штатском молча и без пререканий отошли в сторону, пронзая меня неприязненными взглядами. Закурили. Тот, что ругался, смотрел с особенной злостью, как будто я у него что-то отобрал.

– Иванов, как же, – пробубнил он себе под нос. – Все они... Ивановы.

Да-да, всё те же старые песни. Никто не любит сотрудников Конторы: не в последнюю очередь потому, что подавляющее их большинство не полноценные люди, а клоны с имплантированной личностью. Да и времена «чёрных воронок» ещё слишком свежи в народной памяти.

Я выдыхаю, и изо рта вырывается белое облачко пара, которое поднимается, рассеиваясь. А на его фоне, прямо надо мной, возвышается громада Дворца Советов – почти километр яркой подсветки, стали, бетона, статуй, стекла и обновлённого учения марксизма-ленинизма. Для того чтобы увидеть вершину, где вращается ярко освещённая огромными зенитными прожекторами статуя Ленина, нужно задрать голову вертикально вверх. Дворец нависает, подавляет, вызывает трепет. Нелепый и гротескный центр Нового Союза Советских Социалистических Республик. Дурацкая попытка подражания стилю знаменитых сталинских высоток, стоящая на костях ещё более нелепого комплекса «Москва-Сити». Даже хорошо, что его разбомбили к чёртовой матери.

На мощённом плиткой тротуаре шириной с заводской цех лежал труп без куска головы. Подойдя поближе, я взглянул на лицо – верней, на ту часть, что уцелела, – и оно покрылось невидимой для сторонних наблюдателей ярко-зелёной сеткой сканера. Закрутился анимированный белый кружок загрузки – и у меня перед глазами возникло досье убитого. Я широко зевнул, отправив в полёт ещё одно облачко пара.

Золотарёв Михаил Даниэлевич. «Интересное отчество». Дата рождения есть, а вот дата смерти пока не заполнена – непорядок, опять программа сбоит. Русский. В партии почти с рождения. К уголовной ответственности не привлекался. Не женат. А вот это странно, особенно в нынешние-то времена, когда множество русских мужчин лежат «в полях за Вислой сонной».

Впрочем, не будем отвлекаться. Трудовой путь: рабочая школа, в девять лет прикреплен к Арзамасскому танковому заводу. Затем государственный институт муниципального управления. Воевал: первый ближневосточный фронт, курсы политработников, первый белорусский фронт, ранение и служба на втором Сибирском в армии Лемешева. А, вот и понятно, почему не женат: вся Сибирь изгажена китайскими грязными бомбами, удивительно, что труп в темноте не светится...

Далее рост в звании до полковника политической службы, партийная работа, перевод из действующих частей в Москву и венец карьеры – тёплое кресло депутата Народного Собрания.

Отличная карьера, ничего не скажешь. Фото и видеоархив я решил пропустить, переписку и историю поиска в Сети тоже – займусь этим потом.

Я посмотрел на убитого депутата и снова перевёл взгляд на сияющее здание Дворца. Пал Палыч живьём не слезет, пока убийца не будет найден и показательно осуждён: где ж это видано, в центре Москвы, в двух шагах от Дворца Советов убит не кто-нибудь, а целый депутат. Не то чтоб они были особо важны – законодательной властью Собрание можно было назвать лишь в кавычках, – но всё равно. Это был плевок в лицо.

– Я на месте, – отрапортовал я Пал Палычу, когда вызов от него зажуужал у меня в черепе. Фотографии убитого сменились изображением начальника – лысенького, толстенького, похожего на артиста Леонова, но, в отличие от него, с бесцветными серыми глазами настоящего чекиста.

– Дай картинку, – приказал он, и я переключил глаза в режим камеры. – Это точно он? – спросил шеф с надеждой.

– Точно, – ни с того ни с сего в моём голосе проявилось злорадство, неуместное и неожиданное для меня самого.

– Твою ж мать, – простонал начальник с такой тоской в голосе, что мне стало его даже немного жаль. – Ну твою же мать!.. Ты уже начал осмотр?

– Нет, я только прие...

– Тогда начинай! – резко сказал Палыч, и жалость тут же улетучилась. – Остальных ребят не жди, они когда ещё подъедут. И держи меня в курсе. Смотри, Сам будет меня насиловать, а я – вас. По цепочке.

– Да знаю я, знаю, – скривился я. – Можно было и не напоминать.

Пал Палыч отключился.

– Свальный грех, блин, – я выругался и приступил к осмотру.

Для начала ознакомился с заключением баллистической экспертизы и присвистнул от удивления: зависшая в воздухе ярко-красная линия вела к шпилю разрушенной гостиницы «Украина». Кто-то, стрелявший чертовски метко, сумел забраться на самый верх здания, которое уже давно собирались восстановить, но всё никак не могли взяться. Оно стояло так уже несколько десятков лет, скалясь выбитыми окнами из-за уродливой железобетонной стены-саркофага, – как древний замок с привидениями, полный смертельно опасных сокровищ. Во время первой грязной атомной бомбардировки постояльцы находились внутри, и ценное содержимое отеля уцелело, но безбожно фонило, убивая неудачливых мародёров.

Пуля нашлась в десятке метров от труппа. Она прошила голову насквозь, ударила в мостовую, выбив изрядный кусок камня, и отскочила в сторону проспекта. Я подошёл и присел, рассматривая её поподробнее. Ничего особенного, обычный армейский боеприпас калибра семь – шестьдесят два. Я тихонько чертыхнулся: отследить простейшую пулю в мире, где уже несколько десятилетий шла война и оружие с боеприпасами производилось непрерывным потоком, было нереально. Когда настоящий я, ныне покойный, работал в московском уголовном розыске нулевых и десятых годов, это было бы несложно. Были знакомства, была агентура, да и стволов, способных на подобное, по всей Москве ходило штук десять одновременно. А тут... Впрочем, отставить упаднические настроения. Не отследим пулю – отследим что-нибудь ещё. А потом возьмём за яйца подонка, отстреливающего депутатов прямо у рабочего места, и покажем, что он был крепко неправ. Выпишем путёвку на урановые курорты южного берега Ледовитого океана.

Я уже возвращался к машине, когда вновь услышал недовольное шипение милиционера и решил, наконец, обратить на него своё внимание. Обернулся. Молодой старлей, светлые волосы, голубые глаза, крупные славянские черты лица, форма идеально отглажена, досье безупречно. Хоть сразу на плакат.

– Товарищ старший лейтенант, – устало выдохнул я. – В чём дело?

Стоявшие рядом милиционеры как по команде повернулись к оторопевшему коллеге и мрачно на него посмотрели, словно говоря: «Допрыгался, болван».

– В понедельник в двенадцать ноль-ноль жду вас у себя в кабинете.

Летёха крепко сжал зубы, но козырнул и сказал: «Есть!»

Злится. Ну и пошёл к чёрту. Поору и отпущу с миром, может, ещё проживёт, дурак, воспитает в себе правильные инстинкты. Если научится, на кого можно тявкать, а на кого нельзя.

– Давай к «Украине», – скомандовал я, усевшись на заднее сиденье и едва не прищемив дверью пальто. Установленный на месте водителя автопилот «Навигатор-М», похожий на пивную кегу с проводами, пискнул и поехал к ближайшей развязке, стоявшей на огромных сваях над обломанными бетонными зубами старого третьего транспортного кольца.

Мимо проносились дома – как новые, так и довоенные, реконструированные. Огни, огни, огни. Жёлтые, синие, белые, фиолетовые и, конечно, красные – их больше всего. Фонари, растяжки с лампочками, диоды, окна, подсветка зданий, наглядная агитация. По исполинской стене Дворца Советов пробегают одна за другой алые фразы: «Партия – наш рулевой», «Депутат из народа – слуга народа», «Победа будет за нами» и почему-то «Развивайте свиноводство».

Навигатор повёл машину очень странным маршрутом, руководствуясь какими-то своими принципами. Мы выехали на восстановленный участок третьего кольца, затем свернули на тёмную улочку, полную разрушенных домов, попетляли по району, промчались через пустой туннель и выбрались на Бережковскую набережную. Я мысленно обругал автопилот, поскольку терпеть не мог Москву-реку. Первое время после репликации я был, как и все остальные сотрудники, шокирован, но позже как-то привык к окружающему миру. Ко всему, кроме Москвы-реки.

Ручей из бурой вязкой жижи, в которой виднелись остовы затонувших речных трамвайчиков и копошились существа настолько отвратительные, что пришлось на всех набережных строить электрические изгороди, вызывал у меня первобытный ужас. Ходило множество слухов о происхождении этих существ, но лично мне наиболее вероятной казалась та, что гласила о биологическом оружии, применённом во время первого удара. Учёные говорили, что эти твари нежизнеспособны и скоро вымрут, так что нужно всего лишь потерпеть, пока бывшие карасы с окунями сожрут друг друга, но что-то ожидание затягивалось.

Навигатор привёз меня на место с опозданием в десять минут, за которые я едва не уснул в машине. Гостиница «Украина» была куда меньше Дворца, но выглядела более стильно. В ней чувствовался имперский дух, которого недоставало новоделу, больше похожему на офис. Если бы ещё не высоченная бетонная стена, скреплённая массивными рёбрами и подпорками из ржавого железа, гостиницу можно было бы счесть красивой. Во времена моей настоящей юности неформалы всех мастей согласились бы отдать правую руку за возможность посидеть тут на крыше, выпить дешёвого пива и поорать под гитару песни Летова. Это забавно: никогда не слышать своими ушами песен Летова, но помнить их почти наизусть.

Возле саркофага уже стоял наш любимый «чумовоз» – так мы называли машину службы радиационной, химической и биологической экспертизы – из-за того, что перевозимые ими образцы были способны полностью выкосить население небольшого города. Рядом с ней на бетонном блоке сидел лысый человек в оранжевом скафандре.

– Валёк! – крикнул я ему издалека. Он увидел меня и замахал руками:

– Не подходи ближе! От меня фонит!

– И не собирался! Я к вашей машине до дезактивации ни на шаг! Передавай файл с отчётом!

– Лови!

Архивный файл оказался увесистым. Видеозаписи, куча фото. Я вернулся в машину и принялся его просматривать. Для этого пришлось запустить сознание в два потока, что хоть и грозило сумасшествием, но существенно сэкономило время.

Скелеты на кроватях и в коридорах, перевёрнутая мебель и тележки с чемоданами. Потёки сырости на стенах, проломы и провалы, битое стекло и дроблённый камень. Темнота, мрак, пыль и радиация. На полу – следы армейских ботинок сорок третьего размера. Стрелок шёл уверенно, широкими шагами, следовательно, хорошо знал план здания и торопился. Гильзу не нашли, зато винтовка лежала рядом с входом на крышу: как я и ожидал, обычная армейская, ничего примечательного. Прицел штатный, номер принадлежит восемнадцатой армии, что почти в полном составе полегла во время Смоленского сражения. Хорошо зачищенные следы ржавчины подтверждают предположение, что оружие копаное. Эхо войны. Видеозаписи с камер у гостиницы показывают нападавшего – рост метр восемьдесят пять, худощавый, одет в чёрное и маску, закрывающую лицо. Возле «Украины» он спустился в старый канализационный люк (боже мой, ну и псих, там же один чёрт знает, что водится) и пропал с радаров. Вылезти он мог где угодно. Тупик.

Я остановил воспроизведение архива и некоторое время сидел, закрыв глаза – боролся с головокружением и ни на что не похожим чувством размноженного сознания.

Так. А теперь включаем логику.

Стрелок был очень хорош. Значит, совершенно точно прошёл снайперскую подготовку, воевал. Причём в боевых подразделениях. Рост есть, размер ноги тоже. Вкупе получается неплохой фильтр. Я вызвал Пал Палыча. Тот принял вызов не сразу и, судя по покрасневшим дряблым щёчкам, уже успел поддаться.

– Нашёл чего? – подался он вперёд с отчаянной надеждой. Наверняка Палычу уже не раз звонили с самых верхов и требовали голову убийцы, угрожая оторвать его собственную.

– Да, кое-что есть. Удалённый доступ к базе, как всегда, работает хреново, поэтому организуй поиск по Московским и областным досье. Мне нужен мужчина, прошедший снайперскую подготовку и воевавший на фронте или в спецподразделениях. Рост – сто восемьдесят пять, размер ноги сорок три. Хотя нет. Он мог переобуться. К чёрту размер.

– И что ты предлагаешь? – набычился Палыч. – Чтоб сервера Комитета лопатили пятьдесят миллионов досье? Не жирно будет?

– Ну, тогда давай подождём, пока нас поймёт весь ЦК, – пожал я плечами.

Начальник зашипел:

– Умник хренов. Ладно. Но если из-за тебя сорвётся какая-нибудь операция, то...

– Ага. Заводите поиск, – устало сказал я и отключился. Шёл бы он в задницу. Только орать и умеет. Чует, что чистка уже рядом.

Время шло. Я сидел в машине, поплотнее закутавшись в пальто, грелся и смотрел в окно на то, как ярко горят разноцветные огни Москвы. В тот миг я чувствовал себя обманутым Колей Герасимовым. Да, однажды я очнулся в мире победившего коммунизма. Но тут не было ни космического зоопарка, ни флипов, ни машин времени. Здесь роботы Вертеры легко превращаются из спасателей в убийц, а на космодромах базируются не лайнеры до Марса и Венеры, а орбитальные ядерные бомбардировщики. Девятилетние девочки не играют в волейбол, зато умеют тяжело работать и по житейскому опыту дадут фору взрослым времён моей молодости. А Москва... Да, Москва изменилась. И меняется до сих пор, всё ещё восстанавливаясь после первой бомбардировки.

Палыч позвонил в самый разгар воспоминаний о моём последнем лете. Я катался на велосипедах по бульварному кольцу и ел мороженое. Тепло, всё зелёное, красота...

– Есть зацепки. Одна из них любопытнее остальных.

– Что там?

– Михаил Вьюнов, снайпер на втором Сибирском фронте.

– Каком-каком? – я подался вперёд и заёрзал на сиденье.

– Ага, – заулыбался Палыч. – Даже более того, они с Золотарёвым в одном полку служили. И когда тот в отсутствие командира нажрался и приказал идти в атаку, Вьюнов потерял обе ноги и руку.

– С ума сойти, – я, конечно, обрадовался, но подобное везение мне казалось невыносимым. Слишком гладко и быстро был найден потенциальный убийца. Не может быть такого. Только не у нас.

– Держи адрес. Он и живёт-то рядом. И рядом с домом Золотарёва тоже, если ты понимаешь...

Я понимал. Трудно, наверное, было ютиться в каком-нибудь панельном клоповнике на тысячу семей и смотреть из окна на сверкающую башню, где обитала партийная элита, в том числе и тот, кто по дурости оставил тебя почти без конечностей.

– Высылай подмогу на всякий, а пока они едут, я сам постараюсь его взять.

– Добро.

Я дал команду, и навигатор, пискнув, завёл двигатель.

Всё оказалось так, как я и ожидал. Один из восстановленных районов за третьим транспортным кольцом был тёмным и мрачным, но чист и даже немного благоустроен – детские площадки, тощие деревца, вынужденные выживать в заражённой почве, ряды серых пластиковых гаражей-капсул. Двадцатипятиэтажные серые панельные дома стояли параллельно-перпендикулярно друг другу и были похожи, как близнецы, поэтому через пять минут езды по району я в нём окончательно перестал ориентироваться и полагался лишь на навигатор.

А над всем этим возвышался, похожий на яркий сказочный замок, жилой комплекс «Большевик». Шпиль пронзал багровое небо, уходя ввысь, окна светились, как бриллианты – там на электричестве явно не экономили, поскольку многие клерки Дворца работали даже дома и Партия заботилась об их зрении.

Машина остановилась, навигатор снова пискнул. Я вышел, захлопнул дверь и направился к подъезду, над которым горела тусклая лампочка, почти не дававшая света.

Несмотря на то что подъезд оказался чист, в лифте пахло мочой и были сожжены все пластиковые кнопки. Пришлось повозиться, стараясь нажать на семнадцатый этаж.

Деревянная дверь с наклеенными цифрами, рядом написано «Сима – дурак». Кнопка звонка, казалось, была уже произведена старой и вымазанной в побелке. Три звонка мерзко продребезжали внутри квартиры, и тотчас же послышались шаги. Да уж, звукоизоляция...

– Кто?

– КГБ в пальто, – я засунул руку в карман и сжал холодную рукоять пистолета. – Открывайте, Вьюнов. Нам всё известно.

Молчание. Я отошёл в сторону. Если у этого дуралея нашлась снайперская винтовка, то и автомат может завалиться, и даже граната.

– Я... Я не знаю, о чём вы, – сдавленно произнесли за дверью.

– Открывайте, и я всё вам объясню.

Звонко щёлкнул замок, дверь открылась, и я заметил, как мелькнуло пятнышко света в глазке у соседей. Люди везде одинаковы.

Я видел фото Вьюнова, но оно было достаточно старым, с военного билета. С тех пор он изрядно постарел – щетина, сетка морщин, слипшиеся на лбу в ком тёмные с проседью волосы. Стоит перед дверью в семейных трусах и мятой майке-алкоголичке. Вместо ног и руки, как я и ожидал – простейшие электропротезы.

– Надеюсь, вы не будете делать глупостей, – я шагнул в квартиру. – Вы, наверное, слышали, что сотрудникам КГБ очень многое не может причинить вреда.

– Да, слышал, – упавшим голосом сказал снайпер.

Я прошёл в тесную прихожую с кучей обуви на полу. Скользнув по ней взглядом, я заметил армейские ботинки и увидел, что дверь в комнату резко закрылась.

– Кто там? – я вытащил пистолет и направил его на хозяина квартиры. – Говори!

– Там... Дочь. Моя. У меня есть разрешение! – торопливо добавил он, испуганно глядя на меня.

– Пусть выйдет сюда! – приказал я.

Вышла девочка лет девяти на вид, заставившая меня обомлеть. Она была настолько уродливой, насколько вообще было возможно. Худая, скрюченная из-за костных болезней, на голове – огромная фиолетовая пульсирующая опухоль, покрытая светлыми и мягкими детскими волосиками.

– Боже мой, – воскликнул я. – Вьюнов, какой же ты мудак. Ты же в Сибири был, какие тебе дети?! Так, принцесса, дай-ка дядя-милиционер посмотрит квартиру, – протиснулся я внутрь, косясь, чтобы хозяин не выкинул какое-нибудь коленце.

Да, пусто. Стены с дешёвыми обоями, полка с цветочным горшком, две кровати – побольше и поменьше, телеэкран-стена, стул, незаметный из-за набросанной одежды, и покосившийся пластиковый шкаф фабрики «Красный плотник». И над всем этим – запах нестираного белья.

– А где наша мама? – ласково спросил я у девочки.

– На работе, – пролепетала она. – А почему ты не в форме, дядя-милиционер?

– Потому что так надо, – улыбнулся я. Вьюнов же всё больше мрачнел. – Смотри, – в воздухе снова соткалась голограмма удостоверения. Девочку это устроило.

– Где ты был сегодня в девять ноль-ноль? – повернулся я к снайперу.

– Ложился спать, – округлил глаза от удивления Вьюнов.

– Это правда? – уточнил я у девочки самым добрым голосом, на который был способен.

– Правда, – кивнула она, пряча глаза.

Значит, интуиция не обманула – и Вьюнов не виноват.

– А папа всё это время был с тобой? – вопрос был задан чисто для проформы, но ответ стал полной неожиданностью.

– Нет.

Я удивлённо приподнял брови и взглянул на Вьюнова, который изрядно занервничал.

– Что-о? – посмотрел он на дочь. – Чего ты выдумываешь? Я же лёг с тобой, колыбельную спел.

– Тише! – рыкнул я на него. – Не дави на ребёнка. Где был папа? Он куда-то ходил?

– Да. Лёг. А потом встал и куда-то пошёл...

– Михаил Алексеевич Вьюнов! – отчеканил я, поднимая пистолет. – Вы арестованы за убийство депутата Золотарёва. Я даю вам пять минут на то, чтобы одеться!

Девочка, услышав металл в моём голосе и увидев напуганного отца, захныкала.

– Но ведь я был с тобой, – дрожащим голосом говорил Вьюнов. – Она маленькая и у неё опухоль! Она может ошибаться. Может, ей приснилось!

– Мы проверим вас на детекторе лжи и всё выясним. А пока... Четыре минуты!

– А жене... можно? – спросил свежеспечённый арестант, глядя на меня с так хорошо знакомой всем КГБшникам смесью страха и ненависти.

– Мы сообщим сами, – буркнул я и кивнул на пистолет. – И помни. Без глупостей. Снайпер... – я вызвал Палыча и кратко пересказал ему случившееся.

– Хорошо, – сказал он. – Обыск на подходе, «воронки» тоже. Можешь ехать домой. Хороших выходов.

– Московское время – девять часов, – произнёс диктор, тщательно копируя интонации Левитана. Стена-экран включилась, зазвучала старинная мелодия заставки – хорошо всем известный фрагмент из «Подмосковных вечеров».

Я негромко выругался и запустил подушкой прямо в изображение ярко освещённого солнцем Кремля.

– Солнце красит нежным светом... – не обратив внимания на мой бунт, захрипела и затрещала древняя аудиозапись.

Какой-то высоколобый учёный выяснил, что поздние пробуждения вызывают лень, апатию и, как следствие, тоску из-за того, что жизнь проходит мимо. Такие чувства были свойственны лишь зажавшейся довоенной буржуазии и советскому человеку были не нужны. Наш человек должен быть весел, жизнерадостен, как фокстерьер, и постоянно чем-то занят – не то не дай бог начнёт думать.

Я тяжело вздохнул и понял, что очередной раунд остался за ненавистной техникой. В этот раз я не подготовился: стена уже выдерживала тапки, металлическую кружку, хрустальную вазу, пустую бутылку и kota – что ей какая-то подушка?

Кстати, о коте. Кровать прогнулась, заскрипели пружины, от мурчания комната мелко завибрировала, и мне в лицо несколько раз ткнулся прохладный гладкий нос.

– Отвали... Сейчас я встану... Да отстань же ты, зараза, – бубнил я, морщась, и в конце концов Манька, он же Иммануил, громко и презрительно фыркнул. Ощущение было такое, словно я попал под чих здорового мужика.

– Фу! – я подскочил на кровати и увидел, как в полутьме квартиры в сторону кухни удаляется гордо поднятый чёрный пушистый хвостик. Дополненная реальность включилась и повесила у меня перед глазами безмятежно пустой ежедневник. Большая редкость для сотрудника КГБ.

– ...Страна моя! Москва моя! Ты самая любима-я... – допел экран и провозгласил: – Доброе утро, товарищи! Начинаем утреннюю зарядку!

Ненависть к экрану немного сглаживало то, что вместе со мной вынужден страдать практически весь часовой пояс, исключая, разумеется, тех, кто работает в ночную смену.

Широко зевнув, я уселся на кровати, яростно протёр глаза от сухарей и скомандовал поднять жалюзи. Они со скрипом поползли вверх, открывая вид на безоблачно-синее небо и впуская в комнату яркий, но болезненный свет осеннего солнца. Он красиво высвечивал каждую пылинку в воздухе и украшал мою унылую берлогу – скомканные вещи, полуразобранные электроприборы, паяльник в полной пепельнице и пустые коньячные бутылки повсюду. Кремль на экране пропал, продолжилось воспроизведение старого чёрно-белого фильма, который я смотрел перед сном. Американский, между прочим, и жутко незаконный. Простому смертному за него могли бы и антисоветчину впасть. К счастью, моя трудная работа предполагала некоторые вольности и послабления.

– Начинаем утреннюю зарядку! – после этой фразы обычно начинала играть музыка, и хриплый голос из далёкого прошлого пел «вдох глубокий, руки шире, не спешите, три-четыре».

Но я, вместо рекомендованного Партией и Правительством размахивания руками, пробурчал что-то недовольно-сонное и пошёл в ванную. Из зеркала на меня взглянула жуткая рожа: какой-то странный мужик, худой, заросший щетиной с проседью, постаревший до срока. Лицо было мне знакомо лишь отдалённо, но я знал, что бритьё, умывание и чистка зубов всё исправят.

Через пятнадцать минут я уже наслаждался синтетическим кофе, в котором не было кофе, сигаретой, в которой не было табака, и бутербродом, где в масле не было масла, а в колбасе – мяса. Хорошо хоть, хлеб был нормальным, а не из опилок. Под ногами огромный чёрный

котище довольно хрустел сухим кормом. В каком-то смысле мы с ним питались одинаковой синтетической дрянью, только он, видно, получал куда больше удовольствия.

Я прикидывал, чем можно занять ленивый день, когда услышал самый непривычный звук из всех – звонок в дверь, едва не заставивший меня подпрыгнуть от неожиданности. Манька тоже отвлекся от миски, поднял морду, сделал большие глаза, посмотрел на меня и издал вопросительное «мр-р».

Беспокоить меня могли только по одному поводу – в отделе что-то случилось, – но почему не позвонили? Предчувствуя неладное, я нахмурился и пошёл открывать. Проскочила мысль прихватить пистолет, но я её отогнал: кто вообще в здравом уме полезет к комитетчику? Лишь добравшись до двери, я сообразил, что всё ещё не оделся и стоял в «форме номер раз» за исключением противогаза.

– Здравствуйте! – уверенный высокий женский голос полоснул металлом по ушам. В следующую секунду его могучая обладательница заняла своим телом весь дверной проём. Синий форменный пуховик Департамента Генетического Наследия лишь усиливал впечатление – и без того валькириеподобная барышня выглядела просто необъятной. На красном несимпатичном лице застыло деловое выражение. У ног стоял громоздкий переносной холодильник, похожий на бидон для молока.

– Давайте всё! И распишитесь, – приказала она, проецируя оранжевую голограмму маршрутного листа перед моим лицом.

– Эй-эй! – я отступил вглубь квартиры, не выдержав напора. – Ничего я вам не дам. Идите вон отсюда.

– Что значит ничего? Как это ничего? По какому праву вы меня прогоняете?

– Потому что ничего! – раздражённо сказал я. – Это моё личное дело. Вас вообще не должно было тут быть. Вы ошиблись квартирой. До свидания.

– Нет, это не ваше личное дело! – с её тоном можно было командовать батальонами. – А государственное! Я должна тут быть! Есть план! Последний пленум дал задание перевыполнить его на пятнадцать процентов! Вы – здоровый мужчина, всё ещё способный...

– Спасибо, я польщён.

Перебитой на полуслове «доярке»-ударнице хватило секунды на то, чтобы захлопнуть рот, перегруппироваться и снова пойти в атаку.

– Вы же знаете, какая у нас демографическая ситуация? – она была вынуждена сменить тактику и воззвать к сознательности.

– Знаю, – кивнул я. – Девушка, я... – попытался я поведать суть проблемы.

– Вам она безразлична? – перебила меня сотрудница Департамента Генетического Наследия.

– Нет, – тут я был совершенно честен: чем скорей ситуация выправится, тем скорей от меня отстанут хабалки из Департамента Генетического Наследия.

– Вы невоздержанны в сексуальной жизни? Алкоголик?

– Да, а у вас нет чувства такта, – рыкнул я. – И если мы закончили с перечислением недостатков, то послушайте... – очередная бесплодная попытка сказать главное.

– А почему тогда сперму не хотите сдавать?

– Не хочу, – я рассмеялся, поняв, что мы с «дойркой» практически воспроизвели сцену из «Собачьего сердца».

Её лицо покраснело, но женщина сразу же взяла себя в руки. Похвальное качество, что ни говори.

– Тогда подпишите, что отказываетесь! Но предупреждаю, что у вас будут проблемы по партийной линии.

– Ага, – смех выправил мне настроение, и кричать расхотелось. – Хоть по линии спорлото. Не буду я ничего подписывать. До свидания.

– Как это не будете? Что значит не будете? Вы сдаёте?!

Похоже, меня решили взять измором. Я бы закрыл дверь, если смог, но толкать женщину мне не позволяло воспитание.

– Нет, не сдаю.

– Тогда подпишите! – голограмма, показалось, стала ярче.

– Так, – я закрыл глаза, шумно вдохнул воздух, в котором витал запах сублимированного кофе и недокуренной сигареты. Сосчитал до трёх. Потом до пяти. – Вижу, вы тут впервые. Решили план перевыполнить, да? Как ваше имя и фамилия?! – резко рявкнул я. – Как зовут вашего начальника?! Кому пожаловаться на вашу работу?!

– А какое вам дело? – тут же начала защищаться «доярка». – Нет, ну нормально? Сдавать отказывается и ещё жаловаться будет?

– Жаловаться?! – я повышал голос всё сильнее. Гулять так гулять. Если человек испортил настроение, то нет совершенно никаких причин сдерживаться. Я считал, что в таких случаях нужно платить той же монетой и портить настроение в ответ. Голограмма маршрутного листа исчезла, появилась новая, красная, мерцающая – моё удостоверение. – Майор Иванов, госбезопасность! А у вас, милочка, большие проблемы!

Женщина побледнела, словно мукой посыпали. Даже, кажется, в размерах уменьшилась, словно кто-то открыл клапан и из неё начал выходить воздух.

– Если бы вы не были так заняты, хамя мне, то услышали бы, что я клон-репликант! А если вас там, в Департаменте, дубоголовых и набранных по объявлению хоть чему-то учат, то вы должны были знать, что реплики стерильны! – я говорил, искренне наслаждаясь моментом маленького триумфа. – Проблемы по линии партии?! А какие проблемы у вас будут, если я в понедельник запрошу у вашего начальства... – перед глазами внезапно возникла картинка входящего вызова. Палыч. Настроение тут же упало ниже уровня моря. Начальство, чёрт бы его побрал, никогда не звонит с хорошими новостями.

– Так! – я прервался на полуслове. – Брысь отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели!

Доярка исчезла – мгновенно и бесшумно, как будто на атомы разлетелась вместе со своим чёртовым бидоном. Дверь закрылась. Я вернулся на кухню, где невозмутимый Манька гремел сухим кормом.

– Слушаю.

– Чего так долго? – буркнул начальник. Красные глаза, взъерошенный – похоже, не спал всю ночь. Плохой знак. Очень плохой.

– Да «доярка» привязалась, еле отшил. Ударница.

– М-м... – промычал шеф неопределённо. – Одевайся и давай в отдел.

Отлично. Самые плохие ожидания оправдались.

– Вьюнов?

– Он, родимый.

– Дай угадаю, он не убивал Золотарёва?

– Я что, тебе индивидуально всё рассказать должен?! – рявкнул Палыч, но я даже не обратил внимания. Это можно простить, учитывая то, что ему пришлось не спать всю ночь и держать оборону от перепуганных депутатов, требовавших «вотпрямщас» ввести войска и допросить всех москвичей.

– Понял. Выезжаю.

Палыч отключился, а я докурил сигарету и допил успевший остыть кофе, растягивая последние минуты удовольствия. Начинался новый день, не суливший ничего, кроме новой безумной гонки.

3

– Да-а, – протянул я, когда увидел труп Вьюнова, лежавший на сверкающей металлической каталке. Проблема была в голове, верней в том, что её верхняя половина отсутствовала. Выше нижней челюсти ничего не было, да и сама она с частью шеи представляла собой кусок угля.

– Он ведь был там, – посмотрел я на отчёт патологоанатома. – Я имею в виду в гостинице, – радиоактивность тела указывала на это очень недвусмысленно. Армейские ботинки с заражённой пылью и чёрная одежда, найденные в квартире, – тоже. Маску не нашли, но её можно было выбросить по дороге или банально потерять.

– Да, это совершенно точно, – сказал стоявший рядом со мной судмедэксперт Филипп Глебыч. Маленький, с серенькими усами и огромными зальсынами, в огромных старомодных очках с толстыми линзами и роговой оправой. Они вкупе с немигающим взглядом и манерой говорить – тихо, нудно – делали его похожим на серийного убийцу. – Судя по всему, наш стрелок – он.

– А вот выводы за меня не делай, – недовольно проворчал я, задумчиво глядя на тело. – Кто знает, может быть, всё это – просто совпадения. А ты меня с толку собьёшь.

Глебыч пожал плечами:

– Как угодно.

Видимо, он обиделся.

Первым делом после приезда на Лубянку Палыч вызвал меня в свой кабинет и жестоко надругался, но, скорей, не по злобе душевной, а просто из любви к искусству. Из словесного потока, почти полностью состоявшего из эпитетов, удалось уловить, что единственный подозреваемый отдал концы, отчего святому человеку, не щадящему живота своего на ниве борьбы с преступными элементами, устроили разнос люди столь высоко сидящие, что мне даже представить сложно.

– Этой ночью я познал такие виды любви, которые тебе и не снились, – сказал он и подытожил: – Если не хочешь, чтобы я и тебя научил, дай мне результат, который можно предоставить этим ссыкунам из Совета.

– А ты не думал, что это какие-то разборки ведомств и нам лезть не стоит? – такое, к сожалению, тоже случалось.

– Думал, – кивнул начальник. – Но это не отменяет того, что у нас один мёртвый депутат и двести сорок девять живых, которые меня терзают, как демоны в аду.

– Ну мёртвый, ну и что? – я развёл руками. – Также мне большие шишки, кто их вообще считает?

– Ты мне эту антисоветчину брось, – вполголоса пробурчал шеф. – Совет – это наше всё. Демократия и прочее такое.

– Ладно, допустим, – согласился я. – Но что мне делать-то, Пал Палыч? Оживить его?

– Спасти меня от острых анальных болей, – Палыч указал на дверь. – Либо сам будешь от них страдать. Иди и работай.

Мне ничего не оставалось, кроме как, собственно, пойти. В морг, к обезглавленному телу главного подозреваемого. Работать в субботу ужасно не хотелось, хотелось только спать, поэтому углубляться в дело я не собирался. Раз уж Палыч хочет отмазку для депутатов – он её получит.

Я несколько раз внимательно осмотрел труп, снова прошерстил файлы с информацией по делу и пришёл к выводу, что, по сути, его вообще можно было закрыть хоть сейчас: составить пару бумажек, свалить всю вину на палачей из дознания и идти домой пить коньяк.

К мотиву не придаться, улики завалились, даже дочь показала на допросе, что папка куда-то посреди ночи уходил. Идеальное для раскрытия преступление – готовая «палка».

Однако мне не давало покоя то, что сам Вьюнов упорно держался своей позиции: лёг спать, и всё тут. И, судя по записи дознания, которую я, сдерживая тошноту, просмотрел полностью, держался искренне. Даже смог обмануть детектор лжи. Это было очень странно. Ещё более странной была его смерть: когда удалось выбить санкцию на прямое подключение к мозгу и начать процедуру, все его боевые имплантаты, которые должны были отключить при демобилизации, ввели в действие протокол «Плен» и уничтожили носителя.

Что давало мне рассмотрение этих зацепок? Только потерянный выходной и острые боли, как завещал Палыч.

Да, можно было найти другого подозреваемого, благо «воронки» свезли на Лубянку кучу народу. Камеры ломались от снайперов-инвалидов, которые наверняка получили увлекательную возможность вспомнить былые подвиги в хорошей компании. Но никто из них так и не смог показать ничего внятного: почти все имели железное алиби, а у одного-единственного вместо алиби был такой процент алкоголя в крови, что он не попал бы даже струёй в унитаз, не то что в голову депутата за несколько километров. Плюс – он не «светился». Так что немногие ниточки, которые позволяли раскрыть дело, сходились в одну точку. Сюда, в морг Лубянки, на блестящий стол, к снайперу без головы.

Я прикинул, что можно написать в рапорте для Палыча, которым он будет прикрываться от Совета и собственного высокого начальства. Да, история про переусердствовавших дознавателей вполне вписывалась в общепринятую практику.

– Можешь убирать, – сказал я, выходя, усатому седому санитару, сидевшему за столом и заполнявшему какой-то потрёпанный журнал. Тот кивнул, но даже не встал – видимо, решил сначала разобраться с делами.

Прямо на ходу я составил необходимые документы, отправил их Палычу и приготовился ехать домой, но во время подъёма в лифте начальник снова меня поймал – перед глазами повисла недовольная физиономия.

– Это ещё что такое? – спросил он, скривившись так, будто только что проглотил горькое лекарство.

– То, что ты просил, Пал Палыч.

– Охренел, что ли? Думаешь, двух сраных бумажек хватит, чтобы успокоить эту шайку мудаков?!

– Тебе должно быть виднее, – я пожал плечами.

– Вот мне и видно, что не хватит! – прикрикнул он. – Так что давай там, создавай ещё какую-нибудь бурную деятельность. Желательно с грудями отчётов, да чтоб депутатов слеза во время чтения прошибала от нелегкой участи сотрудников Комитета!

Я вздохнул, всем видом показывая, как меня это напрягает.

– Не беси! – прорычал Палыч и отключился.

Нужно было срочно придумать себе занятие, причём лучше вне Конторы, где мне было мучительно больно находиться в свой выходной. Поразмыслив, я понял, куда можно было бы наведаться.

День выдался прохладный, и я пожалел, что оставил дома подстёжку от пальто. Морг располагался глубоко-глубоко под землёй – и мне пришлось подниматься на старом дребезжащем лифте, который останавливался на каждом пустом этаже и произносил их номера каким-то совсем уж замогильным голосом. Вкупе с безлюдьем и особенностями освещения подвалов – туда как будто специально устанавливали исключительно коротящие лампы дневного света – действовало угнетающе.

На подземной стоянке я застал троицу коллег из соседнего отдела: они о чём-то общались, очень активно жестикулируя. Моего приветствия не заметили – далеко, да и спор был

слишком оживлённый. Навигатор, обнаруживший, что я сел в машину, приветственно запищал.

– Завод имени академика Лебедева.

Двойной писк уведомил, что адрес не принят. Я повторил несколько раз с тем же результатом и, наконец, не выдержав, пнул железку ногой, прокричав «Завод! Имени! Академика! Лебедева!» и добавив в конце ругательство. Удивительно, но такой подход навигатор понял и, звонко пиликнув, повёл машину к выезду со стоянки.

Дорога заняла около часа. Пришлось постоять в небольшой пробке там, где автоматизированная система, остроумно названная создателями «Сусанин», восстанавливала провалившийся под землю участок шоссе. Огромная угловатая оранжевая штукавиной длиной с вагон поезда громко тарыхтела, ворочаясь в густом облаке пара, и сверкала проблесковыми маячками. Иногда из корпуса били сверкающие разряды тока. Она ползла медленно, как улитка, и, точно так же, как улитка, оставляла за собой жирный след нового жирно-чёрного асфальта.

Завод имени академика Лебедева создавался как оборонный: производил различные электронные штуки, которыми наспигивывали новосоветских солдат, но в последнее десятилетие выпускал по конверсии и гражданские изделия, прежде всего, протезы. Руки, ноги, глаза, искусственные органы и главные помощники тяжело контуженных – мозговые чипы «Квант». Была и линейка для людей, не потерявших на войне ничего существенного – например, одну из разновидностей «Кванта» любили учёные и студенты, а люди, работавшие физически, армировали скелет и усиливали мышцы.

В своё время Партия развернула широкомасштабную и до ужаса нелепую кампанию пропаганды самоулучшения, но люди клюнули. Как-никак, новосоветский человек должен быть лучшим во всём. Даже если станет при этом не совсем человеком.

Машина остановилась у высокого непроницаемого железобетонного забора. Отвесная серая стена уходила вертикально вверх, а над ней поднимались, пронзая бездонное синее небо, трубы и высокие острые башни-шпили, обшитые металлическими балками. На них неплохо смотрелись бы горгульи, но советская школа дизайнера подобного не признавала.

В непропорционально маленькой будке КПП скучал пожилой охранник. На первый взгляд, это казалось несоответствием: важное предприятие – и всего один старик-сторож, но когда он подошёл поближе, то впечатление тут же рассеялось: я понял, что при желании этот дядька сможет скрутить меня в бараний рог.

Плавная походка, искусственные глаза, моментально просканировавшие и меня и машину, а также подозрительно широкие руки. В таких может быть полный комплект сюрпризов: от длиннющих телескопических лезвий до огнестрельного оружия. Что ещё скрывалось под вытертым чёрным бушлатом, оставалось только догадываться. И на территории завода наверняка есть ещё куча подобных стариков-разбойников.

– Куда? Договаривались? – спросил меня сторож скрипучим голосом с интонациями доброго деревенского дедушки.

– Мне нужна... – я вызвал записную книжку. – Екатерина Платонова.

– Это главный конструктор, что ли? – прищурил глаз охранник. Я всей кожей почувствовал, что он меня фотографирует.

– Да, она.

– А вы откуда будете?

Я улыбнулся:

– Контора Глубокого Бурения.

– Удостоверение ваше можно?

– А что, ты ещё по базе меня не проверил? – не сдержавшись, усмехнулся я.

– Проверил, – не стал скрывать охранник, улыбнувшись в ответ. – Но порядок есть порядок.

Я показал удостоверение и вскоре уже проехал внутрь, на территорию.

У завода было несколько корпусов, объединённых друг с другом крытыми переходами на уровне второго этажа. В администрацию вела длинная и прямая, как стрела, дорога шириной с проспект. По бокам производственные цеха – серые, рыжие и бурые; ангары из нержавеющей стали, возле которых сидели группками курившие рабочие в синих комбезах. Повсюду стояли красные тяжёлые многотонные «Уралы», чадившие дымом из двойных труб. Что-то грузилось или разгружалось, люди суетились, бегали туда-сюда. Работяги в ржавых экзоскелетах вдвоём куда-то тащили огромный оранжевый контейнер размером с фуру. Сразу видно – предприятие союзного значения, не какая-нибудь шарашкина контора. Все при деле, жизнь кипит.

Администрация представляла собой исполинский параллелепипед, облицованный мрамором, который, вкупе с формой, придавал ей сходство с надгробием.

Здание смотрело на мир высокими узкими зеркальными окнами, между которыми кто-то безвкусный поналепил одинаковых гранитных гербов Союза. Иногда на несколько мгновений на стены проецировалась яркая цветная реклама продукции завода – и эти исполинские картинки нешуточно подавляли. Чего стоил один лишь солдат в боевом экзоскелете: складывалось впечатление, что сейчас этот бронированный монстр с выгравированным гербом НСССР на грудной пластине либо наступит на тебя огромным сапогом, либо расстреляет из автомата, калибр которого, в силу пропорций, был как у главного орудия линкора.

Внутри, в светлом, стерильно-чистом просторном холле тоже обнаружился охранник. Он кивнул, увидев меня, и указал на стойку администратора, где сидела смазливая русая девушка в сером костюме.

– Подождите, пожалуйста, десять минут, – прошептала она, когда я спросил, как пройти к главному конструктору. – Можете подождать на диване.

Я тяжело плюхнулся на мягчайший диван, обтянутый белоснежной искусственной кожей, и сразу же захотел спать – очень уж на нём было уютно.

– Иванов Иван Иванович! – позвала, наконец, секретарь, и я, нехотя вынырнув из мягких объятий, снова подошёл к стойке.

– Да?

– Проходите, вас ждут, – на столешницу легла белая пластиковая карточка – потёртая и исцарапанная. Фамилию, инициалы и фотографию там заменяла крупная надпись «ГОСТЬ». – Двадцатый этаж, из лифта налево. Далее до конца, двойная дверь с надписью «Приёмная». Не ошибётесь, – она улыбнулась, и я заметил, что кожа на её лице, так же как зубы и волосы, – полностью искусственная. Нет, выглядела она безупречно, но всё-таки что-то такое было в пластических имплантах.

Я сцапал карточку и отошёл от стойки, гадая, сколько на самом деле лет этой «девушке». Или может, это даже не человек, а какой-нибудь робот. «Лебедевцы» вполне могли заменить львиную долю сотрудников на собственную продукцию, убив этим двух зайцев – и сократить расходы, и прорекламировать товар.

Я выполнил инструкции администратора и через пару минут стоял у окна приёмной, любясь видом. Девушка за столом секретаря была точной копией той, что сидела внизу, и я понял, что догадка насчёт роботов оказалась верна.

Завод находился в одном из многочисленных производственных районов юга Москвы, поэтому и пейзаж был исключительно серый и индустриальный. Однако яркое солнце и безоблачное небо преображали его: совсем как мою запущенную квартиру не так давно. Серые коробки домов тонули в лёгкой белёсой дымке, над которой возвышались трубы цехов и башни офисов. Если бы не погода, моё настроение было бы совсем отвратительным.

Приёмная была увешана яркими рекламными плакатами, изображавшими счастливых трудящихся с теми или иными протезами. Слоганы гласили: «Кибернетика – светлое будущее всего человечества» и «Новосоветский человек – больше, чем человек». Я бродил, с интересом

рассматривая рисунки. На них были запечатлены усатый рабочий с искусственными руками, учёный-лаборант, из головы которого в районе уха высовывалась короткая антенна, и солдат, изменённый настолько, что человеческого в нём осталось всего-ничего – одна фуражка с красной звёздочкой. «Броненосец» яростно топтал массивным стальным ботинком что-то худое, чёрное и скрюченное и отстреливался от полчищ аналогичных созданий из двух наплечных пулемётов, смахивающих на ДШК. Выглядела картинка эпично, что ни говори.

– Екатерина Павловна ждёт вас. Проходите.

Я не удостоил робота ответом и потянул на себя массивную деревянную дверь.

Главный конструктор сидела за огромным деревянным столом, тщательно замаскированным под старину. Столешница представляла собой экран и голографический проектор одновременно: я как раз застал момент, когда над головой и по сторонам от Платоновой кружился хоровод из чертежей, отчётов и диаграмм приятного янтарного цвета. В кабинете было просторно, пол покрывал мягкий зелёный ковёр, на который было стыдно становиться в уличной обуви. Длинный стол для совещаний, резные стулья, шкаф с имитацией книг, на стенах, обшитых тёмным деревом, висят портреты каких-то партийных бонз. В углу возле окна – кадка с экзотическим растением, в противоположном – флаг Союза.

Увидев меня, Екатерина Павловна хлопнула в ладоши – и голограммы, следуя за её движением, словно скрылись в столе. Главный конструктор не была красивой женщиной, но что-то в ней притягивало взгляд. На вид лет сорок – сорок пять, крупные черты лица и слегка раскосые глаза, выгодно подчёркнуты косметикой, серый костюм идеально сидит на фигуре. Длинные багровые ногти на тёмных широких ладонях, яркие красные губы.

Было в ней нечто монументальное. Не женщина – памятник.

– Здравствуйте, – начала она без улыбки. – Проходите, присаживайтесь. Чем обязана?

Я отодвинул стул и сел, закинув ногу на ногу. Платонова молча достала из ящика стола пачку сигарет, пепельницу и закурила.

– Я тоже, если не возражаете?

– Не возражаю, – конструктор глубоко затянулась. Почему-то это простое действие в исполнении немолодой и некрасивой женщины со стальными глазами и ярко-красными губами выглядело чертовски порочно и возбуждающе.

– Мне нужно узнать о некоторых особенностях вашей продукции, – сказал я, усилием воли возвращая себя в деловое русло. – Конкретно о комплекте снайперских имплантатов. Модель «Зайцев-79-У».

Она кивнула.

– Что конкретно вас интересует?

– Для начала поясню, что весь этот разговор совершенно секретен и разглашение подпадает под статью о государственной измене со всей вытекающей ответственностью, – отчеканил я, но Платонову это не впечатлило. Лишь очередной кивок, затяжка и облачко дыма. А курит она явно не какую-нибудь дрянь. Даже завидно. – Недавно произошёл один инцидент. Его главный фигурант – бывший снайпер, у которого был как раз «Зайцев» производства вашего завода.

– Мы говорим об убийстве Золотарёва, верно? – спросила конструктор.

– Возможно, – нейтрально отозвался я. – Вернёмся к делу. Мне нужны сведения.

– Дайте конкретику, – пожала плечами Платонова. За окнами вспыхнула реклама, заполнившая комнату багровым светом. Губы главного конструктора пугающе почернели, а черты лица заострились. Полное ощущение, что я пришёл продавать душу дьяволу.

– Меня интересует, возможно ли снова включить заблокированные имплантаты?

– Разумеется, – свет за окном погас, и ощущение разговора с демоном исчезло. – Мы предусматривали такую возможность.

– Как это можно сделать?

– Только при помощи прямого хирургического вмешательства.

Я задумался, покопался в документах и быстро пролистал протокол медицинского освидетельствования Вьюнова – стандартная процедура перед заключением под стражу. Но, к сожалению, там было чисто: лишь в разделе «заболевания» нашёлся стандартный фронтальный набор – алкоголизм, посттравматический синдром и депрессия. Ни единого намёка, что снайперу кто-то лазил в голову. «Не сходится».

– А удалённо? – спросил я. В начале карьеры я мог бы предположить, что это армейская медслужба недоглядела и демобилизовала из рядов Новосоветской Армии человека с активным боевым железом. Но сейчас, зная драконовские порядки в армии и искреннее нежелание связываться с Конторой, которую хлебом не корми, а дай кого-нибудь посадить, такая мысль мне в голову не приходила. Имплантаты Вьюнова явно кто-то воскресил.

– Нет, это исключено, – уверенно сказала Платонова. Она затушила сигарету в массивной стеклянной пепельнице, которой можно было пробивать головы.

– И всё-таки, – я не собирался просто так сдаваться. Из слова «нет» пространный отчёт составить нельзя даже при всём моём литературном таланте. – Я хочу, чтобы вы подумали и рассказали, как это можно сделать.

– Я же сказала – никак, – конструктор раздражённо дёрнула плечами. – Вся конструкция, вплоть до регулятора мочеиспускания и скобы указательного пальца, завязана на одном чипе, включить который можно, только основательно покопавшись в мозгах.

Она явно пыталась от меня отделаться и давила.

– Я не прошу говорить мне, что это невозможно, – мне снова пришлось добавить в голос металла. – Мне нужны соображения на тему того, что можно сделать. Подумайте об этом, мне нужны догадки, а не отговорки! У единственного подозреваемого по делу был имплантат вашего производства. По документам – отключенный. На деле – активный. И никаких следов хирургического вмешательства. Если не знаете, как это сделать – тем хуже для вас! Потому что кто-то другой знает. И это значит, что в Москве почти тысяча потенциально опасных снайперов. Этого более чем достаточно для того, чтобы обезглавить весь Союз, вы понимаете?!

Я говорил и с удовлетворением наблюдал, как лицо Платоновой бледнело, а алые губищи на нём становились всё заметнее. Меня самого проняло. О подобном варианте развития событий я не думал. Действительно, можно было бы проявить бдительность, копнуть поглубже, разоблачить очередной империалистический заговор и потом лежать, как раджа из «Золотой антилопы», – отмахиваться от сыплющихся мне на голову наград, крича «Хватит, довольно!»

– Так что будьте так добры, уделите время надоедливому следователю и помогите разрешить вопрос государственной важности. Если вас не затруднит, – я изобразил хорошо отрепетированную «улыбку гэбиста номер три» – устрашающую.

Конструктор кивнула и парой движений вызвала в воздухе оранжевую голограмму – чертёж «Зайцева».

По его очертаниям можно было понять, в какой части тела располагались те или иные детали.

Сверху – мозговой имплантат, центр всего. Он напоминал сосновую шишку, обвитую проводами. От него, через шею, толстый шлейф шёл к позвоночнику, в районе плеч расходясь кабелями к локтям, запястьям и указательным пальцам: их специально усиливали для того, чтобы руки не дрожали.

Основной же шлейф опускался ещё ниже – провода вели к небольшим металлическим пластинкам-обогревателям на груди и животе, овальному, похожему на яйцо, регулятору мочеиспускания, пищеварительному ограничителю и далее – к искусственным коленям и ступням, которые никогда не затекали, сколько не сиди в одной позе.

Платонова вращала голограмму так и эдак, увеличивала мозг и некоторые узлы, возле которых появлялись поясняющие надписи, какие-то цифры и куски кода. Я снова закурил,

наблюдая за её работой. Сейчас она была почти красива, и я понял, как она смогла добиться столь высокого поста – целеустремлённость и искренняя любовь к своему делу.

– Простите, ничего не могу сказать, – она увеличила мозг и извиняющимся жестом указала на него. – Всё сходится к этой детали.

Судя по масштабу, её нельзя было даже разглядеть невооружённым взглядом. Маленькая такая микросхемка, запрятанная очень глубоко.

– К ней нет доступа извне, только на аппаратном уровне.

Я вполголоса выругался.

– Так что простите, но помочь и правда ничем не могу.

Я поднялся с кресла.

– Что ж, в любом случае спасибо за помощь, – «улыбка номер пять, добрая, чуть усталая». – Опровержение версии – тоже информация.

– Не за что, – красные губы испуганно и фальшиво растянулись, а руки скользнули к пачке сигарет. – Обращайтесь.

Я выехал с территории завода, рассеянно кивнул охраннику и скомандовал навигатору двигаться обратно в сторону конторы. Настроение упало ниже некуда, поскольку моя единственная догадка не оправдалась: снайпера никак не могли активировать извне, следовательно... Следовательно, тупик. Если уж даже главный конструктор не смогла понять, что с «Зайцевым» что-то не так, значит, в этом направлении копать точно не стоило.

Однако, несмотря на недвусмысленный ответ Платоновой, у меня оставалось стойкое чувство, будто я что-то упускаю. Что-то раздражающе близкое, лежащее прямо перед носом. Это плохо: дело начинало меня заинтересовывать, хороня надежду на полноценный воскресный отдых. Когда во мне просыпалась ищейка, я мог работать без сна и отдыха сутками.

Что ж, если Пал Палыч хотел имитацию бурной деятельности, он её получит.

– Навигатор! – приказал я через несколько минут. – Давай-ка на Горбушку.

4

Я припарковал машину там, где заканчивался асфальт и жилые районы.

Передо мной лежал дикий ландшафт, не тронутый строителями. Граница Хаоса и Упорядоченного была очень чёткой: одно от другого отделял высокий забор, украшенный унылой наглядной агитацией, поверх которой уличные художники рисовали свои полотна. Они были яркими, как сбрендившая радуга, и в половине случаев откровенно похабными.

Мне особенно приглянулся один арт: роскошные голые женщины окружали плюгавого тощего мужичка, у которого осталась всего одна конечность: та, что болталась между ног и размером превосходила самого инвалида. Он пускал из кривого беззубого рта нарисованную серебрянкой слюну и смотрел на мир слепыми глазами, а рядом в облачке-комиксе неведомый художник написал «Спасибо Партии и Правительству». Я усмехнулся: советский Бэнкси очень верно уловил самую суть явления и передал её с потрясающим цинизмом.

Здоровенный пролом, из которого торчала оборванная стальная проволока, вёл из одного мира в другой. Дыра в заборе была такой, что можно было пройти, не нагибаясь и не поворачиваясь боком.

За моей спиной оставались ровные ряды новых районов, где торжествовал порядок и урбанизм, а впереди...

Я вышел с другой стороны и окинул взглядом ландшафт.

Передо мной простиралась, насколько хватало взгляда, перековерканная взрывами пустыня. Долины древних площадей, узкие ущелья разрушенных улиц и высоченные горные хребты изуродованного железобетона. В трещинах уже давно росла высокая трава, а на горных

пиках, что несколько десятков лет назад были многоэтажными домами – корявые деревца, в основном берёзки.

Они отчаянно цеплялись за серые валуны и тянулись к солнцу с упорством обречённых. Повсюду валялись перевёрнутые остовы машин. Счётчик Гейгера сходил с ума рядом с ними, поэтому я сразу же, не откладывая в долгий ящик, вытащил из небольшого футляра пару больших коричневых таблеток и проглотил, не запивая. Завтра будет плохо. Очень плохо.

Я бывал тут – давно, ещё в прошлой жизни, когда за фразу о возрождении Советского Союза меня подняли бы на смех, и сейчас, двигаясь по отдалённо знакомым улицам, старался отыскать взглядом детали погибшего мира.

Вот лежит наполовину засыпанная обломками, здоровенная оранжевая вывеска, заставившая вспомнить, что тут был торговый центр, в который я никогда не заходил, но несколько раз проезжал мимо.

Ощущение, что за мной присматривают, появилось с того самого момента, как я шагнул за забор, но это было нормально. Я даже не пытался высмотреть следящих, лишь брёл вперёд, перепрыгивая ямы и проломы в земле, обходя радиоактивные корпуса автомобилей и автобусов и стараясь держать направление в этом железобетонном хаосе.

Очень сильно пахло пылью и чем-то горьким. Ветер свистел в развалинах, и поэтому я не сразу уловил нарастающий гул голосов и тархтенье древнего дизельного генератора.

Моё внимание привлекли какие-то яркие пятна на скелете многоэтажки впереди. Я увеличил изображение и понял, что уже почти на месте: на уцелевшей стене висел грубо сколоченный деревянный щит с прибитыми к нему разноцветными буквами от разных вывесок. Они складывались в надпись «Горбушка».

Добравшись до здания с вывеской, я взглянул вниз, где в исполинской, нескольких километров в диаметре, чашеобразной долине с чёрным обугленным дном располагался тот самый знаменитый на всю страну рынок. Во время первой бомбардировки высоко над этим местом взорвалась одна из самых мощных боеголовок – вот и получилось идеально очищенное от цивилизации пространство.

Воронка, земля в которой спеклась в стекло от ужасающего жара, была усеяна драными брезентовыми тентами, сараями из подручных материалов и самодельными кривыми лотками.

В нескольких десятках метров от меня начиналось движение – возле входа в подвал разрушенного дома копошились тощие немые бородастые мужики.

Блуждать по Горбушке можно было вечно. Рынок-город был настоящим лабиринтом, застроенным как мусорными лачугами, что рушились от ветра, так и настоящими каменными крепостями – из старых панелей, битого кирпича и железных листов.

И везде торговали всем, что душе угодно: от сомнительной, но многочисленной еды до новейшей электроники, от батрака-работяги до высококлассного специалиста, не прижившегося в большом городе. Рынок уже много лет сохранял статус одного из немногих царств свободы, которые Контора предпочитала не трогать. Старинная тактика «стравливания пара», – ничто не ново под Луной.

Именно поэтому Горбушка оставалась, хоть и нелегальным, но широко известным и популярным местом. Какое-то время сюда даже автобусы ходили, как в крупные гипермаркеты несколько десятилетий назад.

Узкие улочки-проходы завалены и заставлены всяким хламом и мусором разной ценности. Кроме того, здесь функционировала куча мастерских – в основном ремонтники, но встречались и ателье, парикмахерские, подпольные кинотеатры и даже бордели, куда пускали лишь своих и лишь по пригласительным билетам.

Здесь торговать можно было давать названия. Прямой стрелой через всю Горбушку проходил широчайший проспект ношеной одежды. Параллельно пролегал проезд довоенных артефактов, а перпендикулярно им – улица книг, улица компьютерного железа, улица

технических самоделок, автомобильный бульвар и наркопереулок (очень маленький и непостоянный, ибо в Союзе с дрянью боролись безо всякой жалости). Особенно отличалась площадь порнографии, где возле горы картонных коробок с самопальными дисками сидел монополист: постоянно прикладывающийся к бутылке толстый мужик с красным лицом.

Успех той или иной лавочки легко определялся по вывеске: те, у кого дела шли плохо, довольствовались самодельной, нарисованной на доске масляной краской. Торгаши посолиднее украшали свои лавочки чем-то поинтересней и поярче. Те же, кто добился успеха в своём деле, устраивали возле своих магазинов настоящее световое шоу – сплошной неон, диодные ленты и мигание, способное вызвать приступ эпилепсии. Изгалялись кто во что горазд.

Рынок полон народу – как-никак выходной день. Рабочие в синих комбинезонах, принесшие на продажу вынесенные с заводов инструменты и материалы, мелкие клерки, пенсионеры, даже мальчишки-школьники в красных галстуках. Взгляд зацепился за стройную женщину, гулявшую в рядах, где торговали копаным довоенным барахлом, – приталенный чёрный костюмчик с короткой юбкой, «мушка» над верхней губой, яркий макияж и малюсенькая шляпка с чёрной вуалью. Такое ощущение, что она прилетела сюда из двадцатых годов двадцатого века. Лицо показалось мне знакомым, но я никак не мог вспомнить, где именно её видел, поэтому поддался искушению залезть в базу Конторы.

Перед глазами всплыло личное дело. «Ну конечно», – усмехнулся я. Актриса из МХАТа, часто игравшая в кино. Неудивительно, что я её узнал.

Взятый в базе Комитета адрес оказался верен. Искомый павильон находился вдали от основных проспектов: если можно так сказать, в жилой части Горбушки. Улочка была чертовски узкой, и я окончательно измазал пальто, протискиваясь между стоявшими почти вплотную стенами. Однако для того, чтобы пробраться туда, надо было пройти через переулок, в котором я заметил несколько чрезвычайно неприятных личностей, чьи намерения стали сразу же ясны.

Завидев меня, они моментально затушили сигарки-самокрутки и развернулись в боевой порядок.

Позади, в руинах заброшенной лавки, горел костёр в железной бочке. Чуть дальше, буквально за углом, снова начинался рынок – там сидели люди, разложившие на брезенте и полиэтилене свои нехитрые товары: в основном вытащенные из руин книги, газеты, сгоревшую довоенную электронику и прочий мусор.

– Гляди-ка, кто к нам такой красивый идёт! – подал голос мелкий заводила, похожий повадками на шакала Табаки из советского мультика. Он сгребался чуть ли не пополам и скалил рот, полный жёлтых гнилых зубов. На его костяшках я заметил вытатуированные цифры – год первой ходки. – Пальтишко хорошее. Дай закурить, а, красавец, – шакал сделал ударение на последний слог. Его дружки осторожно обходили меня с разных сторон. Звякнула об асфальт, разбиваясь и превращаясь в смертоносную «розочку», бутылка «Трёх топоров». Худые, низкорослые, лохматые и оборванные, со следами вырождения на тупых лицах, местные бродяги вызывали у меня не страх, а брезгливость. Размахивать сейчас перед ними ксивой или пистолетом – означало похоронить мою идею в зародыше: кто-нибудь из торгашей обязательно увидит, что по Горбушке шатается гэбэшник, и в три секунды об этом узнает весь рынок.

– Пшли вон! – «Не отвлекаться, идти дальше». Я выглядел достаточно rispetабельно – не большая шишка, конечно, но на чьего-нибудь телохранителя вполне тянул, поэтому был шанс, что шпана отстанет. – Покалечу!

– Ты гляди, какой опасный, – не унимался «Табаки». – Партийный ещё, небось, а? Дай сигаретку, а, партийный!

Он подходил всё ближе и не желал убираться с дороги. Я не чувствовал волнения, лишь раздражение. Когда мы с ним поравнялись, в ладони бродяги сверкнул нож. Сверкнул, резко метнулся к моему животу и застыл.

«Табаки» завершал: его запястье сочно захрустело, сжатое моим могучим рукопожатием, усиленным гбэшными имплантатами. Остальная братия, ещё не осознав случившегося, разом набросилась на меня, завопив что-то ободряющее. Они надеялись на численность и напор, но это меня не пугало.

Боевой центр в мозгах включился и мгновенно проанализировал ситуацию, а специальная железа впрыснула в кровь боевой коктейль, после чего я пришёл в движение.

Бродяги стали медленными и неуклюжими, поэтому отбивался я, не напрягаясь: хладнокровными, математически выверенными ударами.

Шаг к первому, удар в грудную клетку – хруст, крик, тело отлетает прочь. Отскок в сторону, поворот, серия из двух ударов в грудь и лицо – челюсть с остатками зубов неестественно съезжает набок, а нападавшего проворачивает вокруг своей оси на все триста шестьдесят градусов.

Пригнуться, уворачиваясь от куска арматуры, летящего в голову, ударить в солнечное сплетение... Упс! Кулак легко пробивает дряблую мутировавшую и ослабленную радиацией плоть, пальцы чувствуют внутренности. Мерзко...

Выдернуть руку, избежать «розочки» и, оказавшись у бутылконосца за спиной, отвесить ему сочного пенделя. Это было бы смешно, если б удар не раздробил ему кости таза. Последний бродяга, нечленораздельно вопя от боли, отлетел на кучу-малу своих друзей, и всё стихло. Боевой центр отключился, адреналин ушёл, время вернулось к своей обычной скорости.

Торгаши за углом показывали на меня пальцами и о чём-то переговаривались, те бродяги, что выжили, громко стонали, свистел ветер, разносились над рынком гул голосов и далёкая музыка. В воздухе витал запах крови и горелой пластмассы – от бочки, где жгли чёрт знает что. Я посмотрел на окровавленную руку и выругался. Пальто, не так давно получившее похвалу от «Табаки», теперь нуждалось в чистке.

Искомый человек принадлежал к четвёртому типу торговцев – тех, что уже не испытывали потребности в каких-либо вывесках. Он жил и работал в тесной развалюхе, одна из стен которой представляла собой старый рекламный щит с выцветшим до неузнаваемости рисунком.

Я трижды постучал кулаком в добротную стальную дверь, вытащенную, видимо, из какого-то жилого дома.

– Отк'ыто! – послышался картавящий голос. – Входите!

Внутри было темно. На самодельных деревянных стеллажах громоздились старые системные блоки, мотки изолянт, инструменты и ещё целая куча неузнанного мной электронного барахла. Под ногами загремела какая-то деталь.

– Остог'ожнее, не пег'еломайте ноги. Чем могу быть полезен, молодой человек?

Я не сразу увидел за стойкой хозяина заведения – старого мужичка с огромным носом, который так и тянуло назвать шнобелем, и грустными глазами, выразившими всю мировую скорбь. Хозяин был почти полностью лыс, лишь на боках и затылке ещё курчавились пожелтевшие волосы.

– Извините... – я прошёл внутрь, внимательно глядя под ноги, чтобы снова не наступить на что-нибудь. – Вы Моисей?

– А кто спг'ашивает? – прищурил глаз владелец лавочки.

– Выгодный клиент, – уклончиво ответил я, и, похоже, собеседника это устроило.

– Тогда Моисей пег'ед вами собственной пег'соной. Что я могу для вас сделать?

– У меня есть друг. Он воевал, – я вызвал в памяти досье пьянчуги, доставленного вчера в отдел.

– Ага, – кивнул Моисей. Ничто не выдавало напряжения, но я всей кожей ощутил, как он подобрался.

– После войны он работал на людей, которых я представляю. Мы сумели активировать его комплект имплантатов, но теперь возникли некоторые затруднения. И нам нужно отключить их обратно.

– Так за чем же дело стало? – спросил хозяин как ни в чём ни бывало, но я чувствовал: что-то пошло не так. Впрочем, возможно, у меня просто паранойя разыгралась. – Если кто-то у вас смог включить, так пусть и отключит.

Чутьё подсказывало, что я на верном пути.

– Сейчас у нас нет, так сказать, прямого доступа к голове нашего человека. Нам нужно сделать это удалённо. И я пришёл просить вас об этом.

– А с чего вы взяли, что это вообще возможно? – с каждым словом прищур становился всё уже и уже. Это даже начинало забавлять, и я попробовал представить, сколько ещё нужно задать вопросов для того, чтобы хозяин полностью закрыл глаз.

– Я не знаю, возможно ли это, – пожал я плечами. – И поэтому пришёл именно к вам. Мне порекомендовали вас как хорошего специалиста. Вы сможете что-нибудь сделать?

Моисей расслабился – я понял это по исчезнувшему прищур. Попался.

– Это пг'авильно, шо меня вам посоветовали. А кто, говог'ите, дал вам г'екомендацию?

– Я не хотел бы разглашать эту информацию, – снова уклонение от неудобного вопроса.

Хозяин кивнул, показав на миг свою розовую, как у младенца, лысину.

– Г'езонно, понимаю... Что ж. Но ви должны понимать, шо услуга такого г'ода обойдётся недёшево.

– Разумеется, – я позволил себе полуулыбку. – Сколько вы хотите?

– О-о-о, – Моисей сделал вид, что разочарован. – Молодой человек! Нет-нет, ви ничего не говог'или, а я не слышал вашего непг'офессионализма! Кому нужны деньги в Стг'ане Советов?

– Ах да... Простите. Перефразирую – чего вы хотите?

– Знаете... – задумался хозяин. – Я уже стаг'. И мне давно пог'а было бы остепениться, но всё никак не собег'усь. Мне нужна кваг'тиг'ка. Двушка поближе к центг'у. И с польской мягкой мебелью! – торопливо добавил он, видя, что я собираюсь возразить.

– Могу предложить вам только комнату в дезактивированном доме. Без мебели.

Начался торг. Даже не так – торжище.

Несколько раз я делал оскорблённый вид и собирался уходить, но Моисей неизменно меня останавливал. Несколько раз сам хозяин говорил мне немедленно покинуть его мастерскую, но позже сменял гнев на милость. Это было очень интересно, весело и познавательно, под конец мы уже бились исключительно из спортивного интереса – кто кого. И к моему стыду, последнее слово осталось всё-таки за хозяином.

Мы сошлись на однокомнатной с мебельным гарнитуром. Румынским.

– Яшенька! – крикнул Моисей куда-то вглубь мастерской. – Ехай сюда, золотой, тут есть дело.

Послышалось жужжание небольшого электродвигателя, и вскоре я увидел, кого звал хозяин.

В инвалидном кресле полубоком сидел скрюченный ребёнок лет шести. Он был невыносимо, концлагерно худ. Но не это заставило меня внутренне содрогнуться, а то, что мальчик был прикован к креслу во всех смыслах: из каждого его сустава торчал длинный провод, удививший в какую-то странную конструкцию за его коляской. Из головы, посреди взлохмаченной копны чёрных волос, тоже торчал какой-то длинный хромированный штырь.

А ещё мальчик был совершенно слеп – белые-белые глаза, без малейшего признака радужки или зрачка.

– Что такое, дядя Моисей? – тихим голосом спросил он, въезжая, и тут же остановился. Он «смотрел» прямо на меня с видом не менее ошарашенным, чем, должно быть, был у меня сейчас. – Ой! Это ты! Я давно хотел сказать тебе спасибо!

– За что? – в горле внезапно пересохло, а в душе заворочался какой-то иррациональный страх.

– За то, что спас всех нас.

«Что? Чертовщина какая-то».

– Но я же никого не спасал, – сказал я, косясь на Моисея, который упорно прятал взгляд.

– А... Извини, – мальчик улыбнулся. Его зубы оказались неожиданно белыми и здоровыми. – Я постоянно путаю. Что нужно, дядя? – к счастью, он перевёл взгляд на Моисея.

– Этот молодой человек хочет, чтобы ты дезактивировал имплантат у одного человека.

– Что за имплантат? – деловито поинтересовался ребёнок.

– «Зайцев-79-У». Серийный номер... – я назвал длинный ряд цифр, чувствуя себя полным идиотом. Мальчик всё это время «смотрел» на меня пустыми глазами и не делал никаких попыток его записать.

– Но он ведь уже отключен, – округлил пустые белые глаза Яша, когда я закончил.

– Что? – даже не пришлось включать актёрское мастерство и изображать удивление.

Малец просто не мог сам догадаться.

– Он отключен! – уверенно повторил мальчик. – Могу его включить. Хотите?

– Что, так просто? – я изобразил «улыбку номер шесть» – недоверчивую. – Этого не могло быть никак. Ты не мог так быстро взломать его чип.

– Я и не ломал его, – мальчик едва заметно дёрнул плечами, наверное, это означало пожатие ими. – Это как... Я просто спросил у него. Попытался найти. Но он был тёмный. Серый весь. Как будто мёртвый. Значит, давно уже, – непонятно закончил он фразу.

– Так. Ладно, – я взял себя в руки. Нельзя позволять сбить себя с толку. Да, это не цыгане, но тем не менее я был уверен, что попался на какой-то психологический трюк. – А ко мне можешь подключиться?

«Да!» – раздался неожиданно громкий детский голос в моей голове. Я рефлекторно отскочил, закрывая ладонями уши.

«Вот видишь. Я знаю. Он отключен».

– Тебе не о чем волноваться, – сказал ребёнок вслух.

– Хорошо, Яшенька, – несколько натянуто улыбнулся Моисей. – Езжай в свою комнату, побудь там, пока мы с товарищем побеседуем...

– Ладно. Только не бери с него ничего. Не будет добра с этого.

Взгляд хозяина ткнул меня, словно в голову вонзили вязальную спицу.

– Как он смог это сделать? – я был шокирован. – Что это... Что это вообще такое было?

– Яшенька... – хозяин замаялся. – Уникум. Дитя Горбушки, – грустно усмехнулся Моисей, куда-то сразу же задевав акцент. – Родился тут, на пепелище. Мутант. Овощ. Ходить не мог, говорить не мог, ничего не мог. Даже дышать. В больнице сказали, что он не жилец, поэтому мы здесь собирали для него железки всем миром, и вот... собрали. Он теперь живёт больше в Сети, чем тут. Поэтому и может очень много. Так! – Моисей встрепенулся, к нему тут же вернулся деловой тон. – Думаю, нам больше не о чем говог'ить. Если уж Яшенька сказал, бог с ней, с мебелью. Всего добг'ого.

– Да... До свидания, – пробормотал я и, повернувшись, покинул мастерскую.

Дело было сделано. Я всё-таки был прав, и Вьюнова могли активировать удалённо. Но кто?

Это я и собирался выяснить.

5

– Палыч! – я набрал шефа, чтобы порадовать. Сесть на хвост идеи мало – нужно было попросить, чтоб начальник направил силы отдела на работу в этом направлении. Душу грело

осознание факта, что именно мой след оказался верным, как-никак, целая куча сотрудников работала по другим зацепкам: винтовка, деятельность убитого – и ничего. И лишь я один, такой весь из себя майор Пронин, всё сразу понял.

– Да! – угрюмо отозвался начальник. – Что у тебя?

– Интересное. Я узнал, что можно активировать имплантаты удалённо.

– И что? – быковато спросил нисколько не впечатлённый этим шеф. – Что нам это даёт?

– Это даёт нам то, что в перспективе депутатов могут отстреливать куда чаще. Или не депутатов, а кого-нибудь ещё. Напряги экспертов, пусть хотя бы попытаются найти историю входящих подключений к мозгам Бьюнова. У заказчиков должен быть очень сильный хакер, очень сильный, практически гениальный, – это тоже пусть кто-то проверит. И ещё: мне нужен спецназ с вертолётном, нужно арестовать кое-кого на Горбушке.

– Сдурел? – без обиняков спросил Палыч. – Может, мне ещё тебе американского президента с Марса выковырять?

– Президента не надо, – терпеливо сказал я. – Нужен спецназ с вертолётном. Поблизости как раз гениальный хакер и один старый жид, из которого можно вытрясти много всякого.

Шеф задумался на пару секунд.

– Хрен с тобой, давай координаты. Подниму «Альф»». Ты что будешь делать?

– Постою рядышком, посторожу, чтобы никто не ушёл.

Где-то с полчаса я проторчал в грязном переулке, держа в поле зрения вход в лачугу, пока не услышал тихий, но басовитый и мощный шелест винтов. Слева от меня, со стороны «улицы», раздалась крики.

– Облава! – вопили десятки голосов на все лады. Мимо меня промчался, бешено вращая глазами, седой мужичок с бородой. Он прижимал к груди авоську с какой-то машинерией – сплошь провода и шестерёнки.

– Атае! – крикнул он мне. – Менты! – и скрылся за ближайшим поворотом.

Спустя несколько секунд мне в лицо ударили порывы холодного ветра, и над переулком нависла здоровенная туша чёрного Ми-2028.

Его не зря называли «крокодилом», как далёкого предка – хищная форма корпуса и впрямь делала его похожим на опасного хищника. Где-то недалеко раздалась автоматная очередь – и по бронированному корпусу заплескали искры: пули рикошетили, не причиняя вертолёту никакого вреда.

Заслонив лицо ладонью от ветра и подняв голову, я увидел, как из круглых боковых люков к земле полетели тяжёлые фалы, и по ним, споро и грациозно, скользнули спецназовцы, облачённые в чёрные бронекостюмы.

Снова выстрелы, на этот раз явно по «альфовцам», но поздно – они уже достигли земли. Чёрные фигуры с массивными штурмовыми автоматами в два счёта окружили лачугу и, выбив дверь, забросили внутрь светозумовую гранату.

Почти сразу же бахнуло так, что я дёрнулся с непривычки, лачуга содрогнулась, со стен и крыши сорвалось облако серой пыли, а спецназ, за те доли секунды, что я был в замешательстве, уже ворвался внутрь.

Выждав ещё десять секунд, я направился к дверям и очень вовремя – мне навстречу вышел командир отряда, над головой которого висела виртуальная золотая звёздочка. Он снял шлем, и оттуда на меня взглянули стеклянные глаза, выглядевшие, как сварочные очки. Узкое и костлявое лицо было неприятным, через всю щеку тянулся тонкий белесый шрам.

– Взяли? – спросил я, ожидая услышать в ответ «конечно».

– Нет! – неприятно удивил меня командир. Вертолёт над нами повернулся и оказал невидимому стрелку ответную любезность, жахнув из носового пулемёта. – Их там нет!

– Как?! – опешил я, автоматически пригнувшись, когда вертолёт начал стрельбу. – Какого чёрта?! Они же были там, я лично видел!

– Я что, вру, по-твоему?! – прикрикнул командир. – Нет никого! Можешь сам посмотреть!

Я выругался и побежал внутрь лачуги, которую обыскивали бойцы «Альфы». Некоторые из них вышли наружу и заняли круговую оборону.

– Что тут? – спросил я у спецназовца, который тщательно ощупывал и обстукивал стены. Судя по всему, у него в глаза был встроен универсальный сканер.

– Ничего, – пожала плечами громадина в чёрной броне. – Ни окон, чёрных ходов, ни подозрительных полостей.

– Да какого?! – я ударил в хлипкую стену, проломив её. – Чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт!

– Спокойно, – усмехнулся боец. – Осмотр ещё не закончен.

– Ищите! – рявкнул я на ни в чём не виноватого «спеца». – Всё тут переройте, но достаньте!

Простояв какое-то время у входа, я не удержался и присоединился к «альфе»: метался по лачуге, раскидывал вещи в поисках каких-нибудь улик, открывал коробки и сундуки – но ничего, лишь создавал бесполезную суету и мешал специалистам. Спустя десять минут в ухе тихонько зашипел передатчик. Говорил командир.

– Надо улетать отсюда и поскорее. Вы с нами?

Я сжал кулаки и тихонько выматерился, но делать было нечего:

– Да. Конечно, с вами, – досадно было уходить вот так, несолоно хлебавши.

Снаружи «альфовцы» уже цепляли фалы к поясам. Один из бойцов крепко ухватил меня подмышками, и в тот же миг мы вознеслись к серым небесам, которые «крокодил» рубил на ломти своими чудовищными винтами.

В брюхе вертолётки было темно, душно и тесно, поэтому за время полёта я вспотел и ещё больше разозлился. Мистика какая-то. Как сквозь землю провалились. Причём ладно если бы мальчик был здоров, можно было бы пролезть в какую-нибудь дыру или подкоп, но он же, чёрт возьми, инвалид! С таким креслом, как у него, не во всякую дверь пролезешь, не то что в пролом. Вопросы, одни вопросы.

– Эй! Ты где сейчас? – прервал мои размышления Палыч. Перед глазами повисла его морда – печальная и замученная.

– Лечу в отдел.

– Взяли? – поинтересовался он.

– Нет, – раздражённо рыкнул я, предвкушая вопли и упрёки в некомпетентности.

– Почему? А, ладно, потом, всё потом. Сейчас я дам команду высадить тебя на ближайшей площадке. Вызывай машину и срочно дуй на адрес.

Плохое предчувствие. Очень плохое.

– Что случилось? – осторожно спросил я.

– Убийство случилось, – устало ответил Палыч. – В Собрании минус ещё один депутат.

– Ах ты ж!.. – я завернул короткую, но жёсткую тираду из нескольких слов. Спецназовцы покосились, но ничего не сказали.

– Ага, полностью согласен. Похоже, ты был прав. Накаркал, сукин сын... Давай на место, короче. А я – спать на пару часов. Прикажу будить меня только в случае ядерной бомбардировки или поимки заказчиков, поэтому давай там... Проявляй разумную самостоятельность.

– Есть проявлять разумную самостоятельность, – с напускной бравадой отозвался я. Несмотря на признание моей правоты, на душе было паршиво. – С аналитиками связался? Они ищут хакеров?

– Ага. Они сами тебе позвонят, как что-то найдут.

– Принял. Давай, Пал Палыч, приятных снов.

– Ой, да пошёл ты... – шеф отключился.

Меня высадили на крыше жилого комплекса образцового содержания, практически в двух шагах от Дворца Советов. Даже на расстоянии он возвышался так, словно я стоял у его подножия. Ленин на крыше незаметно для глаза вращался, указывая рукой на солнце, словно призывал человечество последовать за Икаром. Зеркальные окна и стальные гербы ярко сверкали, а с севера порывистый ветер нёс серые унылые тучи.

В который уже раз я удивлялся тому, как близко и в то же время невообразимо далеко находятся два совершенно разных мира: анархическая Горбушка и незыблемо-тоталитарный Дворец Советов.

Вертолёт «Альфы» развернулся и помчался на восток, в сторону Конторы, а я, отыскав выход с крыши, покинул дорогое жильё партийных начальников, немало шокировав своим появлением старичка-консьержа.

Он провожал меня испуганным взглядом – похоже, увидев вертолёт, подумал, что Контора опять прибыла по душу какого-нибудь жильца. Такое часто бывало – фавор и опала в стране советов шли бок о бок.

– Всё в порядке? – голос был едва слышен из-за включенного на полную громкость малюсенького телевизора.

– Да, – кивнул я и вышел, стараясь поддерживать загадочный вид.

Снаружи уже ждала моя «Волга».

Я несколько раз произнёс адрес, раздражаясь всё сильнее, пока навигатор, наконец, не пиликнул и не повёз меня к месту преступления.

В центр, к грандиозному бассейну «Москва» у метро Кропоткинская. Машина выехала на автостраду и набрала умопомрачительную скорость. Мимо проносились новые безликие кварталы и старые, упрятанные за высоченные серые стены-саркофаги. «Волга» то ныряла в глубокие туннели, освещённые тусклыми жёлтыми лампами, то снова показывалась на открытых участках. Не прошло и десяти минут, как я уже был на месте, правда, с тошнотой из-за постоянных резких маневров. Навигатор вывел на бывшую Пречистенку – древний и некогда очень любимый мной район. Тишина, зелень сквера, обилие музеев и красивая архитектура делали его одним из тех мест, где чувствовался дух города – того самого, древнего, а не нового, вечно куда-то спешащего. Старинные особняки с колоннами и лепниной, белые монастырские постройки с узкими зарешеченными окнами, мемориальные доски, – всё это безумно мне нравилось. Поэтому сейчас я с искренней болью в сердце смотрел на эту самую улицу и не узнавал её.

От похожей издалека на Колизей громадины, снова построенной на месте руин Храма Христа Спасителя, в небеса поднимался колоссальный столб белоснежного клубящегося пара. Страшно было даже представить, сколько электричества потребляла такая махина. Из знакомых мне мест остался только сквер с загаженным памятником Энгельсу, на голове которого днём и ночью сидели неистребимые голуби. Кроме него уцелели музеи Толстого и Пушкина, а также одна из монастырских построек у сквера. Всё остальное изменилось до полной неузнаваемости. Вместо узкой улочки – широкий проспект, поражающий воображение, но совершенно непригодный для жизни. Особняки исчезли: новокоммунисты почти полностью перестроили район – и на месте усадеб «проклятых капиталистов» ныне громоздились высокие каменные семи- и восьмизэтажки, построенные по чертежам сталинских времён.

Новая власть хотела в точности осуществить древний план переустройства центра и создать ту Москву, которую когда-то видели в своих фантазиях сталинские архитекторы. Тогда ещё Дворец Советов должен был получиться куда меньше и располагаться тут – на месте бассейна. А проспектам, примыкавшим к главному строению всего коммунистического мира, было суждено стать центром государства мирового пролетариата. Населять их планировалось исключительно высшими партийными чинами, генералитетом, знаменитыми учёными и деятелями культуры.

Но получилось как всегда.

После того как район был перестроен и заселён, Дворец Советов решили перенести, а дома с номенклатурой, разумеется, остались.

Получился интересный казус: широкие проспекты вели к бассейну, а к Дворцу Советов приходилось добираться чёрт-те как. Это создавало чудовищные проблемы с транспортом, особенно по утрам, когда вся эта орава ехала на работу.

С этим, конечно, пытались справиться, например, при помощи широкой подземной трассы. Но до её сдачи в эксплуатацию было ещё далеко, и длинные кортежи каждое утро стабильно застревали в пробках, состоявших исключительно из тех самых кортежей.

Машина остановилась у старого особняка, уцелевшего во время сноса лишь благодаря тому, что это была какая-то знаменитая усадьба. Интересное розовое двухэтажное здание с высокими окнами, закруглявшимися вверху. Вход – слева: массивные деревянные двери, на которых красовались огромные ручки из потемневшей меди. Рядом табличка – «Управа района Хамовники». Немного дальше стояли «скорая» и легковой милицейский «москвич» – жёлтый, с синей полосой.

Я прошёл внутрь (дверь подалась очень тяжело и неохотно) и увидел стойку, за которой сидела очень нервная пожилая женщина, из-за причёски похожая на пуделя.

– Нельзя! Приёма нет! – взвизгнула она, заметив, как я вхожу. Удостоверение её успокоило. – А... Простите. Проходите, товарищ... – она подслеповато прищурилась... – майор. Второй этаж, там уже работают ваши.

Широкая лестница, устланная мягким красным (но грязноватым) ковром, привела меня на второй этаж. «Наши» обнаружались поблизости – в коридоре, напротив двойных дверей с золочёной табличкой «Приёмная». Судмедэксперт ходил туда-сюда со скучающим видом – он давно зафиксировал всё на фото и ждал, когда я дам отмашку и можно будет увозить тела для вскрытия. Поблизости торчали двое совсем молодых курсантов из милицейского училища: с виду обычные курносые и веснушчатые дворовые пацаны, которым кто-то смеха ради выдал тёмно-серую форму и погоны с буквой «К». Наглядная демонстрация катастрофической нехватки кадров.

Я присвистнул, когда узрел место преступления во всей красе.

Напротив приёмной располагался стеклянный шкаф, аналоги которого можно было найти в любой организации: там хранились всякие вымпелы, кубки и прочая лабуда, выигранная конторой или её сотрудниками. И вот рядом с этим шкафом, разбитым вдребезги, посреди вымпелов, мятых жестянок, выкрашенных под золото, и заляпанных кровью грамот, в красной луже лежал завязанный в три узла труп.

Меня чуть не стошнило при виде такого надругательства над человеческим телом. Серьёзно – это выглядело просто омерзительно. Руки, ноги, голова, торс – всё перемешано так, будто тело было колодой карт, и убийца её перетасовал. Белели осколки костей, кое-где прямо из кожи и обрывков ткани торчали длинные острые куски стекла и дерева.

В конце коридора лежало второе тело – мужчина в мятом сером костюме и рыжих ботинках. У этого трупа отсутствовала верхняя часть головы, а от шеи и нижней челюсти ещё шёл едва заметный дымок, вонявший горелой пластмассой и пережаренным мясом.

– И снова привет, Филипп Глебыч, – поприветствовал я судмедэксперта. Он пожал мне руку. – Ну, рассказывай.

– История такова, – начал он тихим голосом, похожим на завывание ветра в лабиринте склепов и могильных плит, – вон тот мужик без головы – Ухтин Павел Петрович. Бывший фронтовик, инвалид всего, что только можно. Старшина ВДВ. Принимал участие в Варшавской десантной операции, там же попал под обстрел, из которого выбрался только наполовину. После лечения и демобилизации вернулся в Москву и устроился сюда завхозом.

Я слушал, кивая.

– Кто ж тебе всё это рассказал?

– Местные, – пожал плечами судмедэксперт. – Пока не гавкнул на них, не отстали, всё тараторили.

– Продолжай, – попросил я.

– Был на хорошем счету, работал усердно, пил умеренно. Но сегодня, во время визита депутата Лукацкого, пошёл в приёмную и в два счёта превратил его тушку... Собственно, в это, – Глебыч, не подобрав подходящего сравнения, указал на тело. – А сам старшина после этого самоубился. При помощи имплантатов, судя по всему. Следов алкоголя или наркотиков у него в крови не найдено.

– А что с Лукацким?

– А ты сам не видишь? – эксперт посмотрел на меня со всей мировой скорбью во взоре. – Старшина его просто уничтожил. Более подробный список травм составлю, когда окажусь в Конторе. Хотя можно было бы ограничиться одним словом «фарш».

– У старшины были отключены боевые имплантаты? – поинтересовался я.

– Без аугментаций сделать такое с человеком невозможно, будь ты хоть трижды десантник.

– Поня-ятно, – протянул я. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы сделать вывод о сходстве этого убийства с предыдущим. Жертвы-депутаты, убийцы-фронтовики, а когда дело сделано, инструмент самоустраняется. Я вызвал перед глазами досье Лукацкого. Даты, учёба, рабочий путь... А вот и то, что мне нужно. Второй Белорусский фронт. Штабист, принимал участие в планировании Варшавского десанта. Занятно. Это было, безусловно, заманчиво – решить, что убийство произошло на почве ненависти к офицеру, из-за которого старшина остался инвалидом. Красиво получается. Очень красиво. И расследовать, вроде, ничего не надо. Снова на месте и мотив, и улики, и сам убийца. Тоже дохлый и потому немой. Можно было хоть сейчас подшивать информацию в соответствующую папочку и составлять рапорт.

Но это явно была попытка скрыть истинные мотивы.

Причём, не в пример прошлому разу, попытка достаточно топорная. Возможно, я просто параноик и игнорирую старую добрую бритву Оккама, но что-то внутри меня буквально кричало, что надо пинать экспертов. Пусть ищут хакера, способного на подобное, пусть восстанавливают мозги из дыма и сажи – плевать.

– Сейчас я осмотрю тут всё, а потом пойду опрашивать сотрудников, – сказал я, наконец, Глебычу. – Пять минут, и можете грузить.

– Насчёт опроса... Всё от начала и до конца видела девушка-секретарь, но её только что забрали.

– Кто? Куда? – удивился я.

– Психушка.

«Ну да, действительно», – подумал я. Если уж у меня вид места преступления вызвал отвращение, то что говорить о несчастной секретарше...

Я подробно, борясь с тошнотой, осмотрел тела и вывернул карманы, но не нашёл ничего интересного: документы, карточки, немного наличных денег. У старшины, к моему изумлению, под рубашкой блестел маленький серебряный крестик. Пока я копался, на второй этаж поднялись две здоровые бабищи в белых халатах и колпаках – они несли с собой носилки.

– Забирайте, – скомандовал я, когда закончил, и санитарки утащили негромко похрустывающее тело Лукацкого. Курсанты наблюдали за этим с бледными лицами и, похоже, жалели о выборе профессии.

Опрос продлился недолго: сотрудники управы не могли сказать ничего важного, поскольку в момент убийства находились на рабочих местах. Это меня не сильно расстроило – меньше бумажной работы, и я спустился к женщине-пуделю.

– Мне нужен доступ к записям камер, – сказал я, и вахтёрша, быстро закивав, поднялась, уступая мне место.

Я плюхнулся на старое скрипучее офисное кресло и взглянул в большой монитор марки «Рубин», на котором был виден каждый закуток управы.

– Когда всё произошло?

– Тринадцать-одиннадцать, – охотно ответила женщина и нависла у меня над плечом, собираясь смотреть.

– Не стойте над душой, пожалуйста, – оскалился я, и вахтёрша сразу же отпрянула.

Признаюсь, момент убийства был мне не так интересен, больше хотелось понаблюдать за старшиной-завхозом.

Для этого я начал смотреть запись с часа дня. Завхоз нашёлся в одной из пристроек: в царские времена там обитала прислуга, а сейчас располагался небольшой склад, где громоздились горы списанного хлама – устаревшая и сломанная техника, мебель и прочий хлам. Завхоз – плечистый седой мужик с шикарными усами – ковырял на древнем верстаке какую-то штуковину. Параллельно я наблюдал за передвижениями Лукацкого по управе. Вот он вошёл в здание, за пять минут до собственной гибели. Перекинулся парой слов с вахтёршей, направился на второй этаж... Я перевёл взгляд на старшину. Да! Ухтин положил отвёртку на верстак и вышел. Двигается уверенно и целеустремлённо, не оглядываясь по сторонам. От былой расслабленности не осталось и следа.

Лукацкий поднимается на второй этаж – старшина в захламленном внутреннем дворике.

Депутат заходит в приёмную – его будущий убийца на дальней лестнице.

Лукацкий говорит с секретаршей, недовольно кривится и после небольшого монолога собирается присесть в кресло – Ухтин в приёмной.

Я с любопытством наблюдал, как он подошёл к депутату, который задал ему какой-то вопрос, и... не заметил, как всё случилось. Пришлось перемотать и запустить в замедленном действии, но даже так руки старшины двигались очень быстро. Удары, захват, болевые приёмы, излом, бросок – всё это уместилось в половину секунды.

Депутат вылетает в коридор и разносит вдребезги шкаф с кубками, а Ухтин выходит следом и пятится до стены, окидывая взглядом дело рук своих. Яркая вспышка – и его тело валится на пол.

Конец.

Я просматривал сцену убийства несколько раз, с каждым разом забираясь всё дальше в «прошлое». С утра Ухтин был совершенно нормальным мужиком. Улыбался, пританцовывал в такт музыкальной передаче по телевизору, угостил вахтёршу конфеткой. И потом такая резкая перемена, сделавшая его хладнокровным сверхсосредоточенным убийцей. Контраст, однако. Я глянул на часы: с момента провала спецоперации на Горбушке прошло чуть больше сорока минут. Палыч дрых, эксперты молчали. Новых зацепок не было, и сделать пока я ничего не мог. Значит, оставалось только ждать.

И надеяться, что ещё одной жертвы не будет.

6

Я сидел за столом охраны и составлял протокол, когда почувствовал это.

Хотелось бы подобрать для ощущения сравнение поинтереснее, но на ум приходит только изнасилование. В правый висок, в область, где у меня прятался дополнительный процессор, словно вонзили с размаху раскалённый лом. А потом пришёл голос. Он доносился отовсюду сразу и отдавался эхом, будто в громадном соборе, но я догадался моментально – он в моей голове. И принадлежал этот голос ребёнку.

– Иван Ива... А, как интересно. Я и не знал, какое у вас настоящее имя.

Я взвыл от боли так, что вахтёрша, стоявшая рядом, взвизгнула и, нависнув надо мной, заверещала, повторяя раз за разом один и тот же вопрос: «Всё в порядке? С вами всё в порядке?»

– Простите, эта боль из-за расстояния и мощности. Я ненадолго, – голос атаковал меня со всех сторон, и я понял, что чувствуют шизофреники. В глазах потемнело, помутилось, всё миг стало золотым и чёрным, словно в мире остались лишь эта два цвета.

– Сдавайся! – прорычал я. – Тебе не скрыться от нас.

– Ещё как скрыться, – что это было, звонкий детский смехок? Жутко.

– Это не я, Иван Иванович. Я не взламывал ни... – ломом в виске словно пошевелили, перемешивая мозги в горелую кашу. Я взвыл ещё сильнее и упал с кресла, глядя, как предметы теряют очертания, превращаясь в чёрно-жёлтую мешанину.

– Не смей! Оставь в покое память! – заорал я и увидел, что вахтёрша, отпрянув, побежала к выходу, призывая врача. – Это преступление, щенок!

– ...ни имплантаты Выюнова, ни этого старшины, – продолжил мальчишка, узнав необходимое. – И даже если бы я захотел, то не смог бы контролировать их. Но тот, кто убивает, может. Я вижу чьё-то огромное сознание тут, в Сети. Оно визуально похоже на рой, но это не он. И оно мёртвое. Или не мёртвое, – мальчик понёс полнейшую околесицу, боль усилилась настолько, что я перестал что-либо воспринимать. Кто-то прибежал, лицо, похожее на утопающую в полутьме золотую маску, повисло у меня перед глазами. – Вот! Вот! – вскрикнул Яша торжествующе. – Я увидел. Путь ведёт наверх и вниз, товарищ майор. Или вниз и наверх! Чёрт, непонятно.

– К кому? – прохрипел я, чувствуя, что ещё немного и потеряю сознание.

– К Разуму, – именно так он и произнёс это, словно с большой буквы.

Боль ушла. Звуки, цвета, ощущения – всё это постепенно включалось. Электроника медленно устранила когнитивные искажения, возникшие из-за грубого вторжения в мозг.

Рядом со мной сидел Глебыч, к счастью, не успевший уехать. Его лицо рывками попиксельно возвращало себе нормальный цвет и с каждым мгновением всё меньше походило на маску.

Судмедэксперт заметил, что я очнулся, и пробубнил больше для себя:

– Зрачки задвигались, на свет реагируют, – он посветил мне в глаз фонариком, и я инстинктивно заслонила ладонью, запоздало осознав, что координация движений тоже в порядке.

– Всё-всё... – прохрипел я, усаживаясь на полу и прислоняясь спиной к столу вахтёрши. От Глебыча, который пытался уложить меня обратно, я лишь отмахнулся. – Всё в порядке. Сейчас очухаюсь.

– Что это было? – строго спросил он.

Я пораскинул мозгами, стоит рассказывать о случившемся или нет.

– Да так. Экстренная связь.

– Ты хоть предупреждай в следующий раз... – заворчал судмедэксперт. – Помощь нужна? Калибровка или что-то ещё?

– Коньячку пятизвёздочного стаканчик, – оскалился я.

Глебыч дёрнул губами, что, учитывая его неэмоциональность, можно было расценить как широкую улыбку.

– Может, тебе ещё женщину голую?

– Не, – я помотал головой. – Они у тебя холодные все. Дай руку.

Глебыч помог подняться. В голове окончательно прояснилось, и план дальнейших действий созрел сам собой. Да, пацан был очень странным. Да, он был прекрасным хакером – таким, что смог обойти ни много ни мало, а гэбэшную систему защиты. Да, он был вне закона.

Но почему-то мне хотелось ему верить. Это было глупо и иррационально, возможно он даже внушил мне мысль, что невиновен... Стоп!

Я застыл.

Он точно не мог устроить какое-нибудь наваждение? Реален ли этот мир?

Я осмотрелся вокруг, тщательно выискивая изъяны текущей реальности, и незаметно ущипнул себя за запястье.

– Что опять? – спросил судмедэксперт.

– Да так... – недоверчиво ответил я. Всё вроде было на своих местах: ни повторяющихся чёрных кошек, ни какой-нибудь иной жути. – Показалось.

«Вниз-наверх или наверх-вниз? Хрень какая-то».

Труповозка эксперта неторопливо покатила в сторону Конторы. Моя дорога вела туда же, но добраться было необходимо быстрее. Поэтому я и дал команду навигатору включить спецсигналы и рвануть со всей возможной скоростью.

Моя паранойя работала на полную катушку – и пообщаться с Палычем следовало лично. В противном случае этот... Разум может как-нибудь узнать о том, как мы собираемся его искать.

Чёрт, это даже в мыслях похоже на бред сумасшедшего! А глюки к делу не подошьёшь. Палыч за такие выкрутасы точно не погладит меня по головке: придётся долго доказывать, что я не верблюд.

У меня было предостаточно времени для того, чтобы всласть попредаваться мрачным размышлениям, поэтому я не сразу заметил, что машина, оказывается, уже давно стоит на дороге без движения.

– Что за?.. – пробубнил я, увидев, что широкая эстакада, огибавшая центр и в районе съезда превращавшаяся в «бутылочное горлышко», была полностью запружена машинами, в том числе и жёлто-синими милицейскими «Москвичами». Их тупоносые, словно высеченные из камня корпуса, я узнал бы за километр и без всяких имплантатов.

Возвращаться назад было не с руки: слишком уж долго и неудобно вышло бы добираться до Конторы окольными путями, поэтому я, кряхтя, вылез из машины и быстрыми шагами направился в сторону происшествия. Водители вытягивали шеи, стараясь разглядеть, что там впереди делается, а я ёжился от холодного ветра и смотрел в затянувшееся небо, ставшее серым и неприветливым. Облака были тёмными и свинцово-непроницаемыми, будто над Москвой пролетали скалы. Справа, в паре километров от меня, сверкала бело-голубыми разрядами электрическая ограда Москвы-реки и ярко алели звёзды на башнях Кремля.

Люди сгрудились, заполняя всё пространство между машинами, и чем ближе к месту ЧП, тем плотнее становилась толпа.

– Что случилось? – спрашивал я у окружающих, работая локтями и получая в ответ незлые тихие матерки. – Пропустите, сейчас разберёмся!

Всё стало понятно в тот момент, когда пьяный женский голос резанул мои уши.

– Ты охренел что ли, а?!

Ему вторил другой – ещё более громкий, визгливый и мерзкий.

– Безработным хочешь стать?! На фронт хочешь поехать?! Права отдал быстро!

Подойдя ближе, я увидел место ДТП. Белая красавица «Чайка» с длинным капотом и красными правительственными номерами на бампере стояла в глубоком «поцелуе» с проржавевшей салатовой «копейкой», которой только с виду было лет тридцать. Задняя дверь «копейки» деформировалась от удара, и рядом с ней на асфальте валялись мелкие картофелины, которые высыпались из мешка, лежавшего на заднем сиденье.

Хозяин – сморщенный старичок с искусственными руками, ногами и глазами – ходил и, собирая урожай в горсти, относил обратно в машину. На петлице пиджака я заметил несколько неброских орденских планок.

Шестеро юнцов в серой форме с лейтенантскими погонами – такие же мальчишки, как и те, что помогали судмедэксперту – пытались оттеснить от «Чайки» двух женщин в длинных ярких платьях. Причёски, макияж, высокие каблуки, классные фигуры, золотые украшения, но – нетрезвые голоса и хищные лица, обезображенные бурными возлияниями и последующим отупением. Блондинка и брюнетка.

– Я повторяю, пройдёт в машину! – голос лейтенанта дрогнул. Он попытался взять блондинку за руку и отвести в «Москвич», но пьяная особа дёрнулась и полоснула его красными ногтями по лицу.

– Руки уברי от меня! Да я тебе сейчас!.. – прелестные губки говорили такие вещи, что удивился даже я, имевший дело с матёрыми уголовниками.

Брюнетка подскочила к подруге и принялась колотить лейтенанта, к которому поспешили на помощь другие милиционеры, старавшиеся оттащить неадекватных дамочек, но на деле только мешавшие друг другу.

– Мужики, да чё мы стоим-то? – где-то в районе моего пупка вставал на цыпочки и толкался мелкий мужичок в синем комбинезоне. Бородка клинышком и кепка делали его похожим на Ильича, и он, видимо, об этом прекрасно знал и сходством гордился. – Какого хрена, а, мужики?

– Да вдарьте вы им, ребята! – вторил ему огромный красномордый работяга в затёртой куртке с эмблемой какого-то завода. – Сколько ж можно им так?

– Вдарь! Давай! Вдарь! Попробуйте только, отдача замучает! – взвились бабы. Блондинка предприняла ещё одну попытку пробраться к машине, однако на пути встала тройка милиционеров, на которых она налетела разъярённой фурией. – Пустили меня быстро! Убрались от машины!

– Мужики, а чё мы-то терпим, а? У ментов-то инструкции, а мы-то чё? – снова подал голос «Ильич».

– Да какая тут инструкция? – пробасил здоровяк. – Они ж шишки!

– Да сколько ж можно-то терпеть-то, а? – не унимался мужичок. – А вон коньячок-то у них! Настоящий, небось! – на асфальте рядом с машиной и впрямь валялась хорошо початая бутылка армянского коньяка. – И фамилии вон какие! Жиды они там все! Ничего, скоро будет им... Вон, уже начали их стрелять! Скоро до всех дотянутся! Всем покажем!

Я понял, что дело запахло жареным. Нервный «Ильич» заводил толпу даже без броневики. Его резкие выкрики настраивали людей против пьяных женщин, атмосфера накалялась прямо на глазах. Я ласково взял провокатора за шкирку и повернул к себе.

– Вали отсюда подобру-поздорову, – шепнул я ему на ухо, и мужичок, побледнев, принялся толкаться обратно к своему тарантасу. Не знаю, что сработало больше, мой голос или пистолет, который я незаметно приставил к его рёбрам.

Я вышел из толпы и направился к юнцам в форме:

– Что тут такое?

– Гражданин, отойдите! Не мешайте! – он насупил брови, но детский голос и серая кепка, уместившаяся на длинных оттопыренных ушах, делали его не грозным, а, скорей, смешным.

– Майор Иванов, КГБ, – даже не потребовалось показывать удостоверение. Лейтенант испуганно округлил глаза. – Почему не урегулируете ситуацию?! – прошипел я. – Есть инструкции, почему не следуете?! Мне напомнить порядок действий сотрудника при задержании или отправить вас подучить его обратно в университет? Что происходит?

– Это родственницы депутата Народного Собрания, – юнец сник. – Что нам делать, товарищ майор? – как-то совсем по-детски спросил он и захлопал пушистыми ресницами.

– Инструкции соблюдать, – прорычал я и, отодвинув лейтенанта, направился к пьяным мегерам, которые всё ещё избивали безответных милиционеров.

– Пр-рекратить! – рявкнул я, когда дошёл до места драки. – Фамилии!

Брюнетка переключила своё внимание на меня.

– А на каком основании вы...

– Майор Иванов, КГБ, – я спроецировал удостоверение – но в этот раз небольшого размера, стараясь не светить им перед разгневанным пролетариатом, готовым устроить дамочкам суд Линча.

– Алина Рашман, – искривлённые в усмешке губы словно спрашивали «ну и что ты нам сделаешь?»

– А она? – я кивнул на блондинку.

– Валентина. Тоже Рашман, – всё та же ухмылка.

– В машину! – скомандовал я, кивая на милицейский «Москвич».

– Ой, тут ещё один нарисовался, хрен сотрёшь! – Валентина оставила милиционеров и подскочила ко мне. Юнцы в погонах вздохнули с облегчением. – Что, фамилию не слышал?! Прикажи им дать нам проехать! Моей подруге плохо, мы в больницу едем!

– В машину, дамы, – вот чего я не любил, так это пьяных женщин, считающих, что им море по колено. Омерзительное зрелище. – Повторяю последний раз. И освободите дорогу, вы мешаєте важному расследованию и тратите время сотрудников.

– А то что? – блондинка встала, оперев руки в бока.

Препираться было бессмысленно. Если уж ГБ-шника они не испугались, то, как говорится, медицина бессильна.

Я вытащил из кармана пальто наручники и ловко схватил Валентину за предплечье, но та вцепилась в мою ладонь своими красными когтями, крича, что я ей завтра принесу своё удостоверение вместе с извинениями за причинённые неудобства. Я, собственно, не слушал, что она там лопочет, потому как боялся выйти из себя и размазать этих сраных родственниц по асфальту тонким слоем.

Шокер, спрятанный в костяшках пальцев, был включен заранее, поэтому удар в солнечное сплетение отбросил блондинку назад и отправил в глубокий нокаут. С неправильным и гадким чувством удовлетворения я заметил, как она проехала ярко накрашенным лицом по асфальту и затихла.

На миг мне показалось, что разговор окончен и такой демонстрации силы достаточно, но подруга-брюнетка накинулась на меня и впилась ледяными пальцами в шею. В нос ударил запах перегара, уши заложило от визга.

Ещё один удар, треск разряда ласкает слух – и на асфальте уже два тела. Я обернулся, услышав крики и подумав, что народ собирается порвать женщин голыми руками, но причина была в другом: пролетарии просто ликовали от свершённого правосудия. Сейчас я был их героем и слушал одобрительные возгласы, словно осыпаемый лепестками роз гладиатор на арене.

Теперь настала очередь милиционеров.

– Вождение в пьяном виде, попытка скрыться с места ДТП, сопротивление аресту и нападение на сотрудника при исполнении! – прорычал я им. – Проверю – чтобы сегодня же их привлекли по этим статьям! И этого... Рашмана чтоб не боялись: он завтра же у меня поедет осваивать Крайний Север!

Я подошёл к «Чайке», чувствуя, что злость ещё не ушла. Ухватившись за бампер обеими руками, я потянул тяжеленную стальную тушу на себя, вытаскивая её из «копейки», и за половину минуты столкнул под откос, чтобы не мешала движению. Дорогая машина, недоступная простым смертным, скатилась по высокой насыпи и врезалась в бетонный забор внизу.

– По машинам! – зычно скомандовал я пролетариату, как командир танковой роты в каком-нибудь кино. Пролетариат подчинился своему герою, а я, вернувшись в «Волгу», всю оставшуюся дорогу думал, как сказать разбуженному Палычу о Разуме и не загромоздить после этого в психушку.

Честно говоря, я думал, что шеф меня пошлёт подальше. Или вызовет санитаров с приказом связать сбрендившего сотрудника и поместить в помещение, где стены мягкие, а еда жидкая.

Но он в очередной раз повёл себя совершенно не так, как я ожидал.

Не стал орать по своему обыкновению. Выслушал внимательно, временами кивал. Весь он был какой-то помятый и серый – даже лысина словно сморщилась и выцвела. Глаза глубоко запали, обычно мясистый нос странно заострился. В кабинете можно было вешать топор из-за сизого табачного дыма, а на столе громоздились пустые кружки из-под кофе.

– Принял, – просто сказал он, когда я закончил доклад. – Иди, кстати, и от моего имени тряхни спецов. Они должны были уже составить список хакеров, способных на такое. И подготавливать предварительный отчёт о проверке возможности удалённой активации имплантатов.

Кивнув, я отправился на выход из кабинета, но остановился на полпути.

– Значит, это точно не разборки между ведомствами?

– Похоже на то.

«Ясно, – подумал я. – Плохой знак. Начальство не слезет с нас до тех пор, пока не найдём гадёныша».

– А у остальных есть что?

– Ни хрена у них нет. Винтовка, пуля, связи, деятельность, семья – везде глухо. По второму трупу тоже. Поэтому пока сосредоточимся на твоей зацепке и будем искать компьютерщика... Молодец, товарищ майор, – Палыч поднял глаза. – Родина вас не забудет.

– Но и не вспомнит, – растянул я губы в усмешке и вышел прочь.

Эксперты сидели в подземелье: их вотчина занимала почти весь минус третий этаж. Ярко освещённые белыми химическими лампами коридоры и кабинеты были выложены стерильно белой же плиткой. Вместо стен – перегородки из толстого стекла, иногда замутнённого для пущей секретности. И никаких табличек: человек без специального приложения для дополненной реальности тут потерялся бы в два счёта.

Мне нужен был один из крайних кабинетов, в дальнем крыле, к которому вёл изгибающийся в дугу коридор, тянущийся на добрую сотню метров. На этаже царила гулкая, пещерная тишина, и лишь мои шаги отдавались эхом, которое ударялось о стёкла, за которыми работали люди в белых халатах. Или уже не совсем люди.

Вытяжка в небольшой, но жутко прокуренной комнате давно не справлялась ни с табачным дымом, ни с пылью, ни с запахом немытых мужских тел. Провода здесь были повсюду – змеились по полу, покрывая его сплошным ковром, тянулись по воздуху от одного громадного серверного шкафа к другому, свисали с потолка, как лианы, и оплетали три огромных кресла, в которых утопали три заросших волосами и отвратительно тощих голых мужика.

Эксперты всё меньше времени проводили в реальном мире и пользовались физическим телом лишь для того, чтобы закурить, но, по слухам, они работали над автоматизацией и этого процесса. Их бранные тушки были усеяны гнездами для подключения, к которым и тянулись все эти кабели – разных цветов и размеров, начиная от простой витой пары и оптики и заканчивая квантовыми, работавшими по неизвестному мне принципу. Провода скрывались под густыми зарослями волос, и создавалось полное впечатление, что одно плавно переходит в другое, словно я находился в храме каких-то современных технобожеств. Впрочем, это было недалеко от истины. Боги не боги, но на всевидящих Оракулов они вполне тянули.

– Ребят, у меня принтер не печатает и делает так: пик-пик-пик, – сказал я, войдя внутрь и стараясь дышать ртом. – Вы ж программисты, почините, а?

Перед глазами всплыло окно чата: ответом вслух меня не удостоили.

«В. СмирнOFF: Это ты что, подколоть решил?

УмЧестьИСовесть@^: Ага. Но мясо, как всегда, не может в юмор».

– Зато я могу срать не под себя, – улыбнулся я. – И с женщинами спать. Ну, теоретически.

«УмЧестьИСовесть@^: Женщины – для слабаков, не познавших прелести порно в жанре соцреализм.

Главнюк: Ты за результатами?»

Начальник, как всегда, не поддержал нашу пикировку. И он, честно говоря, меня пугал: если остальные ребята сохраняли хоть какую-то человечность, то в Главнюке, бывшем Григории Мелешко, этого практически не осталось. Один холодный разум. Я удивлён, почему он ещё не сбежал в сеть окончательно, оставив материальное тело умирать. Мотивация существа, которое ни в чём принципиально не нуждается, оставалась для меня загадкой.

– Да, за ними, – кивнул я. – Список готов?

«Главнюк: Да. Оперативники на местах проверили – они там».

Всего несколько имён и фамилий. В разных точках Союза – Ленинград, Томск, Берлин, Гданьск, Пловдив, Исламшехр... И целых два в Москве.

Я поискал информацию: этих людей ещё не поймали потому, что каждый из них находился под колпаком и на свободе был полезнее. Понадобится, например, каким-нибудь иранским басмачам взломать какой-нибудь сервер, обратятся они к скромному пареньку в Исламшехре – и готово: становятся звёздами круглосуточного реалити-шоу. Только зрителей обычно всего четверо, и сидят они не дома у телевизора, а в неприметном грузовичке на соседней улице.

– Спасибо, – поблагодарил я Главнюка.

Позади что-то зажужжало, и я увидел хромированный манипулятор, который приставлял к губам УмЧестьИСовесть@^ зажжённую сигарету.

– Перед тем как уйти, есть ещё одно дельце. У меня есть план, и мне нужна будет ваша помощь...

Палыч снова пил кофе, вперившись невидящим взглядом в столешницу.

– Есть информация, – я переслал ему список. – Надо брать. Всех разом.

– Хорошо, я свяжусь с регионами и дам команду на проведение операции. Но это несколько часов, не меньше.

– Да, я понимаю. И ещё нужно приказать, чтобы спецы отключили доступ к сети «из головы».

Палыч поморщился.

– Да знаю я, знаю! – раздражённо сказал я. – Да, половина всех взаимодействий в отряде на этом завязана, но что остаётся делать? Не умрут, покричат друг другу голосом.

– Ой, поведельвайся мне ещё тут! – взвился Палыч. – Знает он... – кружка с громким стуком опустилась на какую-то бумагу, оказавшуюся под рукой. По ней начало расплываться кофейное пятно. Впрочем, так же быстро шеф и успокоился. – Ты сам что делать собираешься?

– Участвовать.

– Кого будешь брать?

Я задумался и вызвал оба досье. Первый «москвич» был ничем не примечателен – покрытый татуировками юноша с угрюмым взглядом, простая шпана, вчерашний детдомовец из семьи репрессированных. Уже отсидевший срок по малолетке. А вот второй...

– Сектанта, скорей всего.

– Самое вкусное ухватил, – усмехнулся Палыч.

– И самое опасное, – возразил я.

– Добро. Можешь пока пойти отдохнуть. Тут тебе не налёт на базар. Готовиться надо вдумчиво.

– Да, насчёт этого. У меня есть идеи. И я хочу, чтобы их включили в план.

Ближайшие несколько часов я провёл в кабинете знакомого оперативника, скорчившись на небольшом диванчике и укрывшись синим солдатским одеялом, внешний вид и колючесть которого не менялись, наверное, уже лет триста.

Я открыл глаза и, вытянув голову, увидел, что тьма не рассеялась. За окном была глубокая ночь, лишь светились ярко фонари и неоновая наглядная агитация на соседнем здании. Внутри черепа зудел входящий звонок от Палыча.

– Подъём. Полтора часа до операции.

– Ты внёс мои коррективы? – поинтересовался я судьбой своих предложений.

– Да, будь по-твоему.

Я отключил звонок, широко зевнул и, с наслаждением потянувшись, снова отправился в подземелья – туда, где вокруг эскадрильи чёрных вертолётов суетились небритые техники в промасленных комбинезонах, роботы-погрузчики и прочая обслуга.

В раздевалке было шумно: у бесконечных рядов железных шкафчиков в сырой полутьме толкались, грубо шутили, громко хохотали и лязгали стальными конечностями полуголые шкафообразные Железные дровосеки. Это был единственный момент, когда заступающая смена имела возможность пообщаться с теми, кто уходил на выходной. Штурмовики надевали тяжёлую чёрную броню и царапали подошвами тяжёлых ботинок каменную плитку пола.

– О, здорово! – поприветствовал меня один из бойцов: выше на голову, с широченной челюстью и светлыми мягкими локонами младенца. – Это мы с тобой полетим?

– Ага, – я пожал ладони размером с совковую лопату: ему и остальным штурмовикам. – Скоро увидимся!

Поднявшись по длинной лестнице, где лампочки горели через одну, я очутился в арсенале.

– Чего изволите? – Фёдорыч, эдакий благообразный старичок-боровичок, меня узнал и заулыбался. Он стоял за деревянной стойкой, как на обыкновенном армейском вещевом складе, и, если бы я не знал, что у нашего старшины медалей до пупа и в теле железа больше, чем плоти, это показалось бы мне вопиющим нарушением правил безопасности, учитывая то, какие сокровища хранились за его спиной.

– Давай-ка мне «троечку», – назвал я номер класса брони.

– А может, «четвёрочку»? Сектанты вас там не плюшками кормить будут.

Я задумался и вспомнил «четвёрочку» – бронезилет с воротником, наплечниками и паховой пластиной, шлем, как у скафандра, щитки на руках и ногах, кевлар вместо ткани – практически скафандр.

– Нет, всё-таки давай «троечку».

– Ну, как знаешь, – поджал губы Фёдорыч и, пошевелив усами, полез куда-то под стойку. Мне стало неудобно, что я пренебрёг его советом.

– Всё нормально будет. Я же и так бронированный.

– Бронированный не бронированный, а в туннеле всякое может быть. Газы, электричество, растяжки. Да и стрелять будут в упор, – я слушал ворчание завхоза и вспоминал того, кто недавно стал убийцей депутата.

Как его фамилия? Забыл уже, чёрт. Наверное, он был таким же. Препрежнее поколение, родившееся во время войны и не заставшее мирного времени, всю хлебнуло лиха, но это сделало их не злыми, а наоборот. Те немногие окопники, кто уцелел в пекле Величайшей Отечественной войны, были добрыми. Очень добрыми. Ценили жизнь – каждый момент – и любили её беззаветно, какой бы она ни была.

– Чего ты? – Фёдорыч вырвал меня из размышлений. – Лицо у тебя какое-то...

– А... – опомнился я. – Прости. Задумался.

– Оружие какое?

– «Кувалда» и «Стечкин».

Завхоз на пару минут скрылся в бесконечных рядах огромных шкафов и, вернувшись, со стуком положил передо мной огромный двухствольный автоматический дробовик и массивный воронёный пистолет с длинным магазином. Оружие выглядело так, словно его слепили из стальных параллелепипедов – много острых углов, грубый необработанный металл и почти нулевая эргономика, но зато феноменальная надёжность и умопомрачительные ТТХ. Да и производить их можно было в огромных масштабах и буквально на коленке: как раз то, что нужно для большой войны. Есть некоторая ирония в том, что советская конструкторская школа смогла нормально развернуться только в таких условиях.

Коробки с патронами Фёдорыч вытащил из бездонных карманов старых камуфляжных штанов, но те, несмотря на уменьшение веса, всё равно отвисали едва ли не до щиколоток.

– Спасибо! – улыбнулся я завхозу и, собрав в охапку снаряжение, потопал к ближайшей лавочке – деревянной, отполированной десятками задниц.

Спустя ещё час я, облачённый в броню, вооружённый до зубов и посвящённый в план штурма, шёл по высокому тёмному туннелю в молчаливой компании «альфовцев». Сегодня дежурили уже знакомые мне по предыдущим операциям ребята. Все они – и так, как на подбор здоровенные – из-за тяжёлой брони выглядели натуральными Гаргантюа. Фёдорыч таки впихнул им всем «четвёрочку». Спорное решение: чёрт его знает, что там эти сектанты у себя в подземельях понастроили и понарыли, а если застрять в узком лазе или быть погребённым под завалом – никакая сталь не поможет. Впрочем, от огня в упор она защитит – это точно.

В сырой полутьме горели огоньки сигарет. Обычно весёлые и дружелюбные здоровяки сейчас, как и перед любой операцией, были мрачны и собраны. Хохмить пытался только самый молодой – тот, что отловил меня в раздевалке, но его никто не слушал. Остальной народ подобрался тёртый и потому немногословный. Гул прогреваемых двигателей вертолёт слышался издали, но когда мы подошли поближе, тут же стих и вернулся к своему обыкновенному негромкому жужжанию.

Чёрный Ми-2028 перемигивался габаритными огнями и медленно вращал лопастями. Загрузились, не торопясь и не толкаясь, но споро и без задержек. Привычно так. Буднично. Я почувствовал отголоски боевого азарта.

Дурацкое чувство. Волнение усиливается, и ощущение это тягучее и туманящее разум. Но растёт и ширится оно лишь до тех пор, пока не прозвучит первый выстрел: тогда ожидание закончится – и настанет пора делать свою работу. Причём делать лучше, чем плохие парни с пушками по другую сторону баррикад.

Внутри вертолёт горело лишь аварийное красное освещение, в котором ничего нельзя было рассмотреть. Шелест и жужжание сменились свистом винта, набиравшего обороты. Я пристегнулся и откинулся на спинку кресла, рядом со мной тем же самым занимались бойцы – щёлкали пряжки, затягивались с шуршанием ремни, поскрипывало снаряжение, лязгало оружие.

– Готовы, – отрапортовал командир, безликий из-за шлема с затемнённым забралом. Вертолёт плавно поднялся вверх, и у меня в ушах застучали барабаны битвы. Не хватало музыки: в прошлой жизни такую обычно вставляли в фильмах, когда компания крутых ребят собиралась на задание. Что-то небьющее, но ритмичное и очень тяжёлое, чтобы хотелось замедлить время: все замедленные моменты под тяжёлую музыку выглядят круто.

Я заговаривал сам себя до тех пор, пока не понял, что полёт уже почти закончился – в микроскопическом иллюминаторе проплыла ярко освещённая Останкинская башня, на вершине которой развевалось алое полотнище с серпом и молотом.

Голос пилота, прозвучавший в голове, лишь подтвердил эту догадку:

«Две минуты».

Спецы подобрались в предвкушении высадки.

– Надеюсь, никому не надо напоминать, чтобы доступ к Сети в мозгах отключили? – спросил я.

Никому. Чёрные фигуры молчали в ожидании команды на выход – как статуи. Статуи, готовые в любой момент ожить и сеять смерть.

– Пошли! – захрипел динамик на потолке. Аварийные лампы загорелись ярче и завращались, словно разбрызгивая по бортам и полу кляксы красной краски. Я вытянул длинный трос, прицепил карабин к поясу и собрался высаживаться – последним. Открылись люки, и спецназовцы с неправдоподобной для их комплекции быстротой начали выскакивать прочь. Я последовал за ними. Москва переливалась яркими огнями, но под нами расстилалось многокилометровое пятно абсолютной темноты, словно мы прыгнули в чёрную дыру.

Впечатление усиливалось из-за того, что это пятно окружала то и дело пускающая голубоватые разряды изгородь – как на набережной Москвы-реки. Лишь оказавшись на раскисшей из-за дождей земле и включив тепловизор, я увидел вокруг себя корявые силуэты деревьев. Вдали белело круглое строение с большими окнами, очевидно, старый вестибюль метро «Ботанический сад».

Спецы сразу же выстроились в боевой порядок и направились вдаль от станции – туда, где в земле зиял огромный провал, ведущий во тьму. Счётчик Гейгера возле него громко затрещал, что было неудивительно: тут куча металла, впитывавшего в своё время радиацию, как губка. Вокруг нас что-то шуршало палой листвой – скорее всего, ветер, но один раз в поле зрения промелькнула и пропала какая-то серая неясная тень, заставившая меня крепко вцепиться в дробовик.

В кровь поступало всё больше адреналина, а барабаны войны в голове звучали громче и ускоряли ритм. Мы спустились на дно старого туннеля метро, и бодро, но соблюдая осторожность и внимательно глядя по сторонам, двинулись вперёд. Спецы сперва старались не шуметь, но это было бесполезно: туннельное эхо усиливало каждый шорох.

Как же тут воняло! Мертвечина, гнилая вода, плесень и непередаваемый аромат отсыревающей штукатурки. С потолка капало, под ногами хлюпало, и чавкал мох. Туннель шёл под уклон, и туда, в темноту, тёк небольшой ручеёк. Отовсюду торчали куски арматуры, по земле змеились толстые кабели, ранее висевшие на стенах. Кое-где встречались небольшие обвалы, но в целом ничего особо ужасного. Один раз на путях встретились остатки баррикады, за ней обнаружился небольшой столик, пара стульев и железная бочка, изнутри покрытая сажей.

– Рации у всех включены? – спросил командир, и я, устыдившись, незаметно вставил в ухо гарнитуру.

Мы спускались всё дальше и дальше, как казалось, в самый ад.

– И чего их раньше не выкурили? – пробубнил рядом со мной тот самый молодой спец.

– Анекдот про неуловимого Джо слышал? – усмехнулся я.

– Ага. Вот только не пойму, у них правда там... – он сделал паузу и страшным шёпотом произнёс: – Троцкизм?

Я громко фыркнул, и командиру, повернувшемуся ко мне, не потребовалось поднимать забрало, чтобы я понял, как именно он на меня посмотрел.

– Нет у них троцкизма. Зато есть толпа идиотов. Инвалиды и ветераны войны собрались в одном месте и ударились в религию. Причём ударились, похоже, головой, потому как они против любой электроники, и, ходят слухи, что ещё и поголовно без причинных мест.

– Да ну! – не поверил боец. – Seriously, что ли?

– Совершенно, – кивнул я. – Правило такое. Искупление или что-то вроде. У них же от религии мозги набекрень. Вот и живут.

– Ого! – удивился сапёр – могучий мужик, шедший рядом со мной с полным рюкзаком взрывчатки. – Что же они там жрут?

– Да чёрт их знает, – пожал я плечами. – Сам удивляюсь. Иногда выходят на поверхность в костюмах химзащиты, подстрелят пару ворон, и назад. Смешные.

– Смешные не смешные, – вклинился в радиоканал командир, – а нескольких вояк уложили. Отставить базар, не в кабак идём.

В эфире стало тихо, лишь слышалось периодически потрескивание в гарнитуре. Да, сектанты в своё время смогли отстоять свою независимость: позиция была очень уж хороша.

Когда упали ракеты, на ВДНХ спаслось множество людей. И за то время, пока в стране и мире творился кромешный ужас, там появилось целое государство, которое вело успешные завоевательные войны с соседними станциями и обеспечивало себя всем необходимым за счёт трофеев. Оружие, патроны, топливо, консервы – всего этого было навалом в тайниках и скро-нах.

Во время проведения Большой Спасательной Операции в Москве ВДНХ стала длинной и болючей занозой в заднице новорожденного государства. Эмиссаров новосоветского правительства встретили пулями, приняв то ли за мутантов, то ли ещё чёрт знает за кого. И после этого практически в центре радиоактивных руин Москвы развернулась новая война – подземная. Она была короткой – всего пара недель, но очень насыщенной. Встречалось всё: и позиционные бои, и внезапные рейды, и ловушки а-ля Вьетнам, хитроумные и коварные. Тем не менее, несмотря на упорное сопротивление, полноценно противостоять могущественной империи маленькая, но очень гордая станция не могла – ресурсы не те.

Входы залили бетоном, а туннели и технические проходы взорвали, оставив жителям лишь один выход на поверхность – через ботанический сад, в котором, по слухам, творилось странное и часто пропадали люди.

ВДНХ сдалась непокорённой: лидер был разумным человеком и предпочёл обойтись без лишних жертв. Жители покинули станцию и растворились среди нового мира, а новая власть оставила её практически нетронутой – совсем не до того было – повсюду шла большая война, уже названная Величайшей Отечественной. И вот спустя десятилетия подземелье приняло новых постояльцев – секту скопцов. Они были, в принципе, ребятами мирными. Пара погибших милиционеров, забредших не туда, и неудачная военная операция, когда проблему попытались решить наскоком, – не в счёт.

Сектанты никому не докучали, молились, постились, отрезали гениталии и дальше зоны отчуждения вокруг ботанического сада не выходили. Словно и не было их на белом свете. Старейшина провозгласил принцип невмешательства в дела внешнего мира, и это было просто здорово: если человек сам додумался отрезать себе кое-что важное ради некоего божества, ему нечего делать в обществе. Главная причина, по которой власти закрывали глаза на их существование: штурм напичканной ловушками станции обошёлся бы слишком дорого при сомнительной выгоде от уничтожения нескольких двинутых кастратов. Так что если бы в их ряды не проник подозреваемый в организации убийства целых двух депутатов, то вымерла бы секта сама через пару десятков лет.

Тут повсюду виднелись следы былых боёв – баррикады, шербины от пуль на металле и бетоне. Да, перестрелка в здешней тесноте – это, конечно, страшно...

– Что-то тихо, – пробурчал командир. Мои барабаны били с совершенно диким ритмом, сердце стучало им в такт, ладони потели, а кровь кипела. Палец на курке зудел, чёрт на левом плече умолял выстрелить хоть куда-нибудь – просто в черноту туннеля. Тепловизор показывал впереди какие-то неясные тепловые пятна, но нельзя было с уверенностью сказать, что это именно люди, а не...

Вспышки!

Звуки выстрелов в закрытом пространстве больно бьют по ушам. Я бросился прямо в ручей подо мной и вжался в пористый склизкий бетон, вонючая ледяная вода накрыла меня с головой.

Бойца из головного дозора сразу же опрокинуло на землю сверкающими пунктирами трассеров, и кровь его в тепловизоре засветилась, как стереотипная радиоактивная жижа в каком-то кино. Остальные отреагировали мгновенно: залегли и открыли огонь из своих чудовищных автоматов.

Нас поймали профессионально: подпустили на максимальное расстояние и вжарили из трёх-четырёх стволов, включая, судя по звуку, тяжёлый пулемёт. Пальба слышалась отовсюду – спецы мгновенно сориентировались и всюду давили укрепление.

Откатившись в сторону и кое-как прицелившись, я увидел, что впереди, за баррикадой из стальных рельс, нагромождённых поперёк туннеля наподобие решётки, вспыхнули первые два взрыва. Громкие хлопки гранат высветили человеческие силуэты, над моей головой прокатилась жаркая волна, рядом с ухом прожужжал мелкий осколок, загремели упавшие рельсы.

«Альфа» быстро перехватила инициативу и пошла в атаку, не прекращая стрельбы. Я поднялся и, пригибаясь, последовал за ними, жалея, что не послушал совета Фёдорыча и не взял «четвёрочку».

Взрыв!

По шлему застучали мелкие камешки, в руку и грудь ударили осколки. Не страшно. Яркая вспышка ослепила мой ПНВ, но я увидел, как, нелепо взмахнув руками, упал ещё один боец из авангарда. Я не понял, кто это был, видел лишь тёмный силуэт, у которого, кажется, не хватало ноги.

– Свалите нахрен! – заорал пулемётчик, и в тот же миг пространство перед ним очистилось: все мгновенно залегли. Грянула длинная очередь, три ствола выплюнули свинец, гильзы застучали по стенам. В воздухе стало душно от раскалённого металла.

Эффект оказался таким же, как если бы в муравейник вставили стальной прут и как следует им поворошили. Утяжелённые пули сминали всё на своём пути, прошибали стальные перегородки, дробили камень и выкашивали защитников баррикад.

Пока пулемётчик прижимал сектантов, остальная группа получила шанс опомниться и снова ринуться в атаку. Едва стихли выстрелы с той стороны, мы снова поднялись и, поддерживая друг друга огнём и хриплым матом, бросились вперёд. Невероятно, но на той стороне ещё остались живые: по нам снова стреляли. Вдалеке на станции завывла сирена. Я перемахнул через баррикаду следом за парой бойцов из авангарда. Жажда действия и адреналин гнали меня к цели вопреки здравому смыслу, кричавшему, что не стоит лезть на рожон.

Я заметил покорёженный древний пулемёт ДШК, когда по нам снова открыли огонь.

Бойцы остановились, заслоняясь могучими бронированными руками от пуль, словно по ним стреляли горохом мальчишки. Свинцовое угощение, заготовленное для нас, ударилось о бронепластины, искрило и, тонко взвизгивая, рикошетило по сторонам. Защитники успели отступить и перегруппироваться – вот чёрт! – дальше по туннелю огрызалась ещё одна баррикада, а места, чтобы спрятаться от пуль, не было совершенно. Кто-то вскрикнул: боец позади меня запрыгал на одной ноге, стараясь избавиться от огромного медвежьего капкана.

Снова ударил пулемёт, впереди взорвалась ручная граната, и о мою броню снова лягнул осколок. Я залёг за грудой камня и металлического хлама, по которой беспрестанно палили защитники. Рядом со мной, присев на колено, стрелял командир. По нему палили тоже – и достаточно метко. Его шлем три раза взрывался снопом искр, и лишь на четвёртый он упал на землю, обхватив голову руками, и громко взвыл, забыв отключить рацию.

– Медик! – завопил я во весь голос, подбежав и перевернув командира, но тот меня прервал.

– Отставить медика! Всё в порядке! Прижимаем и прорываемся!

Я инстинктивно наклонился, услышав громкое шипение – и вовремя – над моей головой пронёсся заряд из древнего гранатомёта. Он взорвался где-то позади нас, в рации раздался громкий вопль – судя по всему, последний. Пулемётчик работал без перерыва, его трёхстволь-

ный «дегтярёв» с ленточным питанием выплёвывал пули сотнями, но в огромном коробе за спиной боезапаса было ещё предостаточно. Когда оружие начинало с характерным отрывистым звуком «плеваться», боец приседал, окуная перегретые части в ручей, и стрелял дальше. Поднятый пар от ручейка из-за постоянных вспышек окрасился ярко-оранжевым, как будто в туннеле объявилось привидение.

– На счёт «три»! – командир решил прорываться, и я, зарывав для пушей храбрости, приготовился покинуть своё убежище. Это трудно, очень трудно, с психологической точки зрения, но надо себя заставить.

Командир дал команду, и мы грянули – все одновременно, стараясь подавить чёртову баррикаду. Бог с ними, с автоматами – это обычные древние «калаши», но вот РПГ и пулемёты – штука однозначно неприятная.

– Щас я им оторву всё, что осталось! – мой знакомый выругался и вырвался вперёд, но внезапно споткнулся, провалившись ногой в какую-то яму. Он кричал, ужасно кричал, но времени помочь совершенно не было: бежать, бежать, бежать, несмотря на шквальный огонь.

Пули больно бьют в грудь и отбрасывают назад, хлопки ручных гранат оглушают. Бронезилет пробит как минимум в двух местах, но подкожные пластины сдержали удар. Я растратил весь боезапас, нырнул в укрытие, запнувшись и растянувшись на бетоне, торопливо перезарядился и продолжил стрелять, но абсолютно не видя противника. Хаос. Полнейший хаос.

В конце концов наш свинец возобладал над их свинцом – и бой закончился. Резко: так же, как и начинался... Я посмотрел на часы. Три минуты. Всего три минуты, в которых уместилась целая жизнь. Я был разгорячён и промок из-за чёртового радиоактивного ручья, наверное, поэтому меня и заколотило, словно в лихорадке.

Мы осторожно двинулись, оставив позади медика. Больше не было никакого сопротивления, лишь приближавшийся с каждым шагом вой тревоги на станции.

– Осторожно! Под ноги смотрите! – напомнил командир, небезосновательно опасавшийся мин и прочих ловушек возле очередной баррикады. – Мелкий, ты как там? – спросил он у моего знакомого, которого сейчас перевязывал санитар.

– Нога, – прошипел он. – Хрень типа волчьей ямы. Всё в мясо.

– Не ссы, вернёмся – новую тебе сделаем, ещё лучше.

На занятой нами позиции валялись разорванные и почерневшие от огня трупы. Они были изрешечены осколками и пулями, которых мы не жалели во время атаки.

Один из сектантов лежал на животе, вытянув руку в сторону станции, только ноги его остались у баррикады, а тело – в десятке метров от неё. Рядом с помятым РПГ нашёлся ещё один, словно надкушенный динозавром с разных сторон.

Пулемётчик усмехнулся:

– Моя работа.

– Ого. А я думал, что при попадании остаётся дырка поменьше... – пробурчал я больше для себя, рассматривая раны диаметром с голову, но спецназовец воспринял это на свой счёт и рассмеялся.

– Это ещё ничего. Обычно вообще не остаётся достаточно тела, чтобы оценить размер дырки.

Вся баррикада была в круглых пулевых отверстиях.

Они накладывались друг на друга, образуя странные узоры, в которых угадывались очертания лиц и животных. Поодаль, рядом со стеной и очередным трупом валялся протез ноги – простой, деревянный, без какой-либо электроники.

Я просмотрел туннель во всех возможных диапазонах: от ультрафиолетового до инфракрасного и теплового, – и заметил несколько тоненьких ниток, которые вели к связкам гранат, висевшим на потолке в старых авоськах.

– Вот тебе и новый год... – сказал командир, тоже заметивший ловушки. – Ступаем осторожно! Всякие дощечки, картонки и прочую хрень не топчем!

Барабаны в моей голове, успокоившиеся во время боя, снова начали громкую отбивку. Впереди показалось красноватое свечение – дошли. Вот только почему так тихо?

– Стоять! – фальцетом завопил мегафон, и мы моментально рассосались по туннелю так, словно там никогда никого не было. Я упал за большой кусок бетона, вывороченный из стены неведомой силой.

– Ни шагу дальше! Уходите, или мы взорвём туннель! – от голоса хотелось смеяться: говорил он грозные вещи, но произношение делало их похожими на передразнивание.

– Майор Иванов, КГБ! – закричал я. – У вас находится опасный преступник! Выдайте его, и никто не пострадает!

– Иванов? – переспросил переговорщик. – А не тот ли ты Иванов, что под Белградом меня к расстрелу приговорить хотел за пачку сербских сигарет?

– Нет! Я другой.

– Да все вы там... Уходи, майор! И людей своих заberi! С Дону выдачи нет! А не то все тут поляжем!

– Поляжем! – пообещал я. – Но вы к богу своему не попадёте!

– Чего это не попадём?

Я нервно хихикнул – голос меня забавлял.

– Потому что бог вас не примет с работающим железом в теле. Я прав?

– Наше железо давно неактивно, нехристь! – уверенно сказал сектант.

Я молча вытащил из кармана небольшую алюминиевую коробочку с антенной – простейший приёмник передатчик всего с одной кнопкой, что-то вроде древнего Wi-Fi роутера – и примерился к расстоянию. Вроде должно добить даже с учётом экранирования. Советская техника, она такая. Нажать на кнопку и подождать полминуты.

– Чего молчишь, нехристь?! – гневно пищал сектант. – Мы вас не звали! Пошли вон, а не то всё взорвём.

– Сейчас-сейчас! – отозвался я и подмигнул командиру спецотряда. – Сейчас всё будет.

Негромкий вскрик не был усилен мегафоном, но всё равно оказался хорошо слышен в тишине туннеля, прерываемой лишь журчанием ручейка.

– Как вы это сделали?! Его же отключали! В голову ко мне влезли, ироды! – испуг в голосе стал просто музыкой для моих ушей.

– Мы отключим всё обратно, если выдашь нам Ионо! Давай сюда этого сраного литовца – и мы уйдём! В противном случае вам не яйца, а головы придётся друг другу отпиливать!

Недолгое молчание, переговоры вполголоса, несколько негромких восклицаний.

– Ждите! – от волнения голос переговорщика стал ещё выше, хотя это, казалось, было невозможно.

– Пищит, как дочкина игрушка, – тихонько сказал пулемётчик, вызвав серию смешков.

Примерно через десять минут послышались вскрики и гомон голосов. Отряд оживился, и я, подняв голову, увидел, что к нам движется целая делегация.

Десяток нездорово пухлых бородатых мужиков в поношенной форме Новосоветской армии возглавлял колоритный седобородый старик с безумными глазами, одетый в самодельную чёрную рясу с погонами капитана. Вместе с ними был ещё один человек – в классической синей робе заводского рабочего. Его руки связали за спиной, а на голову зачем-то нацепили мешок.

– Сюда идите! – сказал капитан в рясе, пройдя половину пути. – Без оружия!

– Только без глупостей! – предупредил я и, оставив дробовик, пошёл навстречу.

– Вот он! – старик улыбнулся, обнажив все свои три гнилых зуба. – Забирайте и идите! Идите!

Сопровождающие толкнули Иона мне под ноги, тот упал на колени и застонал.

– Ну вот. «Выдачи нет, выдачи нет», – передразнил я, с нескрываемым удовольствием наблюдая за тем, как перекосило от злости лицо сектанта. – Сейчас я заберу его – и мы с отрядом пойдём на выход. Делать подлянки и стрелять в спину не советую: это может плохо кончиться.

– Да не будем, не будем! – запричитал старейшина. – Только железо отключи. Не по-христиански это.

– А стрелять первыми, значит, по-христиански? – я угрюмо взглянул на старика.

– А стрелять – по-христиански! – уверенно повторил мои слова священник. – Сами живёте без бога и другим не даёте, черти краснопузые! Давай уже! Забирай этого... хакера! – последнее слово он произнёс как ругательство.

Я помог Иону подняться на ноги и снял мешок для того, чтоб посмотреть на его рожу. А ну как старик меня обмануть решил?

Да, это был он. Хенрикас Иона – белобрысый тридцатилетний мужик с арийскими чертами лица и голубыми глазами, которые смотрели с холодной ненавистью и презрением.

– Лабвакар, – оскалился я.

– Это по-латышски! – вскинул голову хакер.

– А мне плевать, – я передал по рации, что мы готовы выступить.

Отряд выстроился для прикрытия тыла. На обратном пути мы забрали сапёра, санитаря, двух раненых и одного «двухсотого».

Бойцы взвалили на себя товарищей, которые из-за наркотика тихонько пели песни и хихикали, а командир без слов взял на руки тело погибшего. Нас никто не преследовал, и тишина туннеля нарушалась лишь воркованием накачанных наркотиками бойцов да ручейком, который уже не воспринимался на слух.

Люди старались не смотреть на погибшего, но я знал, что это лишь до окончания операции. Когда они доберутся до базы, закончат дежурство и вновь станут обычными людьми, чувство потери навалится, как груда металла, упавшая с небес. Друзей терять всегда тяжело, а в таких отрядах служили только друзья.

Командир внезапно остановился и повернулся к сапёру, когда мы отошли метров на пятьсот:

– Как там? Не пора?

– Да, наверное, пора, – пожал плечами сапёр после двухсекундного раздумья, и земля содрогнулась. Старые туннели встряхнуло, чугун застонал и заскрипел, а бетонная крошка посыпалась нам на головы. Отряд обдало волной горячего воздуха и пыли, от которых я инстинктивно закрылся рукой. Несколько раз громко чихнув, я протёр глаза, сняв предварительно перчатки – чёртова пыль!

– Ну, вот и всё, – жёстко резюмировал командир, оглянувшись на завал. И повторил уже тише, словно для мертвеца у него на плече: – Мы отомстили.

А я покосился на Иона и подумал, что лучше б ему оказаться тем самым хакером, которого мы ищем. В противном случае вина за смерть офицера «Альфы» целиком ляжет на меня.

8

– Куда его? – спросил, оторвавшись от старомодной бумажной книги, молодой и щеголеватый дежурный офицер. Он уставился на Иона, которому вкатили конскую дозу снотворного и немножко прооперировали. Два санитаря везли хакера на каталке следом за мной.

– В «бункер».

– Распишитесь! – отчеканил лейтенант и кивнул на стойку. Там, рядом с новенькой офицерской фуражкой с красным околышем и звёздочкой, лежала заляпанная предыдущими при-

косновениями считывающая пластинка. Я с некоторой брезгливостью приложил к ней большой палец и дождался, пока загорится зелёная лампочка.

– Проходите! Камера номер три! – дежурный снова углубился в чтение устава и более не обращал на нас внимания.

«Явно чей-то знакомый или сынок», – подумал я. Крепкий, молодой, здоровый, с залитыми воском волосами и отвратительно упитанный. При виде него во мне проснулся праведный гнев, из-за которого приходили на ум слова, которыми любили бросаться при виде несправедливости уцелевшие фронтовики: «В окопы бы тебя, сукиного сына!»

«Бункер» представлял собой тесную допросную камеру, обшитую стальными листами двадцатисантиметровой толщины. Ничего лишнего: только два прикрученных к полу стула, стол следователя и убранные за грязное бронестекло лампы под высоким потолком. Никакой связи с внешним миром: полный информационный вакуум.

У входа санитары расстегнули ремни, удерживавшие Ионо на каталке, и с кряхтением занесли этого недоделанного арийца в допросную. Они пообещали, что сейчас введут препарат – и через десять-пятнадцать минут клиент будет готов к разговору, на что я попросил их особо не торопиться и ушёл пить кофе.

Спать хотелось ужасно: ночь выдалась бурная – и мой несчастный организм, стоило ему оказаться в тепле и спокойствии, тут же настойчиво потребовал пойти и отключиться минут на шестьсот. Первые пять минут я провёл возле кофемашины, которая хрипела, трещала, тряслась и стонала, как будто не кофе варила, а собирала на конвейере танки.

Синтетическое пойло оказалось ожидаемо мерзким. Его не спасал даже искусственный молочный порошок – на языке постоянно чувствовался привкус соды. Не знаю, из-за чего он там появлялся и какие реакции происходили в моём организме после попадания этих ядохимикатов внутрь, но напиток чертовски бодрил.

«Интересно, где его производят?» – подумал я и, взяв полупустую упаковку со странными рыжими кристаллами, похожими на сахар, прочёл: «Брянский завод консервации и минеральных удобрений». Это многое объяснило.

В голову настойчиво лезла дурацкая картинка, где на бескрайних кофейных плантациях Брянщины вкалывали измождённые негры, а какой-нибудь злобный помещик, словно сошедший со страниц поэмы Некрасова, в это же время тащил к себе в барский дом для угнетения чёрных девок в сарафанах и кокошниках. Красота.

«А ведь забавно получается», – поглядел я на бурую вязкую жижу. Я никогда не пробовал в этой жизни настоящего довоенного кофе. Может, он на самом деле совсем другой. Может, этот кофе намного лучше. Может, память моя, на самом деле, вся целиком создана и срежиссирована тут, как говорится, «в кровавых застенках КГБ». Впрочем, нет, о таком лучше не думать. Недосып рождает в голове странные мысли и ассоциации.

Когда я вернулся и захлопнул за собой тяжёлую стальную дверь, Ионо уже пришёл в себя и сидел, прикованный к стулу несколькими парами усиленных наручников, больше похожих на древние кандалы. Синяя роба лишь усиливала классический образ киношного каторжника, не хватало лишь чугунного шара на цепи.

– Поговорим, – я поставил два стаканчика с кофе на стол.

– Вы принесли мне кофе? – удивился хакер.

– Размечтался, – оскалился я. Разговор предстоял очень долгий, и мне не хотелось бегать по Лубянке туда-сюда в поисках допинга.

– Что вы со мной сделали? – спросил Ионо, косясь на свои руки.

– Обезопасили, – я злорадно ухмыльнулся. – Так! Давай определимся сразу. Сотрудников у нас мало, должность хорошего полицейского постоянно вакантна, поэтому с тобой будет говорить только плохой.

– И так, – я спроецировал голограмму с загруженным личным делом Ионо и начал пролистывать материалы, – тебя разыскивали за взлом базы продовольственных карточек, махинации с талонами на бензин и мебель, а также – ай-яй-яй – с очередями на квартиры и машины.

– Доказательства? – изогнул бровь Ионо.

Настал черёд удивляться мне.

– А с каких пор нам нужны доказательства? И не перебивай, будь добр, я не хочу переходить сразу к части, где тебя избивают в кровь... Так вот, кроме всего сказанного, в твоих золотых руках и остальной тушке мы нашли множество самодельного «железа»: от запрещённых передатчиков до оружия. Но это всё, – я немного театральным жестом «схлопнул» голограммы, – полная фигня в сравнении с главным, дорогой товарищ. На этот раз ты влип по крупному. Я готов выслушать, как ты организовал убийство двух депутатов.

Каменное бесстрастное лицо Ионо на миг вытянулось, но он быстро водворил на место прежнюю постную рожу. Я включил в левом глазу тепловидение, чтобы увидеть, когда он соврёт, и прищучить.

– Я жду, – напомнил я о своём существовании через полминуты напряжённого молчания. Хакер сверлил меня взглядом.

От него очень плохо пахло: сказывалась жизнь в метро, а из-под не до конца застёгнутой робы виднелись уродливые металлические разъёмы с проводами.

Похоже, этот засранец очень ценил свою морду: все аугментации были скрыты под одеждой.

– Я не убивал их, – осторожно заявил Ионо. Видимо, опасался, что это была ловушка.

– Верно, – кивнул я, ухмыляясь. – Ты – нет. Понимаешь, о чём я?

– Нет! – ответил хакер намного увереннее, а я едва не расплылся в торжествующей улыбке. Вот он. Попался. Его нос, щёки и подмышки немного нагрелись. Этого не случилось бы, говори он правду.

Я отпил немного из стаканчика. Хотел посмаковать, но понял, что это была дурацкая затея.

– Ты врёшь мне, – спокойно сказал я, грозя хакеру пальцем. – И если не хочешь, чтобы я перешёл к форсированным методам допроса, советую начать говорить. Чем меньше ты отнимешь у меня времени, тем больше у меня будет желания походатайствовать за тебя перед судьями.

– Так ты хочешь повесить на меня тех двоих и выбить признание? – кривая усмешка прорезалась на бледном высокомерном лице. – Тогда действуй, чего ты ждёшь? И о каком ходатайстве вообще может идти речь, о замене расстрела в голову расстрелом в сердце или пожизненной урановой каторгой? Хрен тебе, а не признание.

Недурно, даже очень.

– Допустим. Но если я неправ и ты невиновен, то попробуй доказать мне это.

– Что-о? – удивился Ионо. – Это ты меня выдернул и плетёшь какую-то чушь про депутатов, о которых я и слыхом не слыхивал. Вот ты и доказывай.

Врёт, сукин сын. Совершенно точно врёт. От рассинхронизации зрения немного кружилась голова, но я отчётливо видел честнейшее лицо с печатью лжеца – специфическим красно-синим тепловым рисунком, похожим на тест Роршаха.

– Ты забыл, что находишься немножечко в КГБ, – усмехнулся я. – И тут презумпция невиновности не работает. Что ж, если хочешь, чтобы мы ничего не доказывали, давай поступим проще: я звоню в ОБХС, оттуда приезжают ребята и после «птицы-тройки» тебя расстреливают. На всё про всё – пять дней. Правосудие, как обычно, будет скорым и безжалостным, а ОБХСники мне даже коньяк поставят. У них-то давно на тебя зуб.

– Чего ты хочешь от меня, я не могу понять?! – ощерился хакер. – Не знаю я ничего ни про каких депутатов. Поймал – и ладно. Отправляй к ОБХС и пей свой коньяк, только голову не морочь!

– Врёшь! – прикрикнул я. – Не думай, что я не вижу! Вся твоя электроника деактивирована, ты больше не можешь контролировать себя, как раньше! Не зли меня! В твоих интересах доказать, что я неправ. Если не ты – то кто?

– Я. Ничего. Не знаю.

Со вздохом сожаления я засучил рукава и неторопливо, наслаждаясь моментом, зашёл за спину подозреваемого. Тот делал вид, что мои маневры его не пугают, но обмануть не мог: участвующий пульс и мелкие капельки пота говорили сами за себя.

– Что может сделать мощный шокер с твоим «железом»? Оно рассчитано на перегрузку? Я поднёс костяшки кулака к металлической спинке стула и постучал. Ионо дёрнулся.

– Ну? – спросил я перед тем, как долбануть подозреваемого током. – Последний шанс нам с тобой поговорить нормально.

Хакер упрямо молчал. Напряжённый, приготовившийся к удару.

– Как хочешь, – я пожал плечами и хотел подать ток, но Ионо вскрикнул:

– Стой! Стой-стой! Я всё скажу, ладно? Только давай без тока!

Отступая назад, я чувствовал даже некое разочарование. Как будто у ребёнка конфету отняли.

– Итак, – я сел на своё место. – Говори.

Ионо пожевал губами.

– Для начала... Я не убивал тех депутатов. И я вообще к этому делу никаким боком. Правда.

Не врёт, чёрт его побери. Но нужно держать ухо востро.

– Если я расскажу всё, что знаю, ты можешь гарантировать мне послабления?

Я едва сдержал глупую шутку, вроде: «Тебя, я гляжу, и так ослабило».

– Смотри, что ты натворил и насколько можешь мне помочь. Учти, ты не спрячешься за хитрыми формулировками. Мне нужна конкретика.

– Да-да, это понятно. А мне нужны гарантии.

Ты глянь – ещё и торгуется, стервец.

– Гарантии есть. Я смогу уговорить заменить тебе расстрел пожизненным. А принимая во внимание, что ты хороший специалист, никто не станет тебя гробить в шахте. Ты же работал в Каунасе на одном из филиалов «Электроники», верно? Ну вот и будешь кодить или паять в какой-нибудь шарашке. Всё зависит от информации. Дай мне что-нибудь.

Ионо задумался на пару секунд.

– Ладно, согласен. Я, правда, солгал сначала. Как-никак, с вашим братом лучше отрицать всё, вплоть до собственного существования, а то все свои висяки свалите.

Я кивнул:

– Продолжай, – с другим подозреваемым можно было бы поиграть в справедливость, но Ионо был тёртым калачом и знал о методах Конторы не понаслышке.

– Я слышал про убийство депутатов. И кое-что ещё. Понимаю, что сказанное будет выглядеть как бред, но об этом вся Сеть шумит.

– Вся Сеть? – я скептически приподнял бровь. – Что-то я нигде ничего не слышал.

Ионо усмехнулся:

– Я говорю не о вашей Сети, а про Айсберг. Ты должен был слышать о нём.

О, да. Я слышал. Ещё как слышал. По слухам, последнее место в мире, где обитала настоящая свобода и анонимность. Это была не официальная сеть Союза, созданная для регулирования плановой экономики и предназначенная для передачи информации между серверами министерств, а нечто другое, похожее на старый добрый Интернет, только доступный лишь

единицам. Там, разумеется, работали наши сотрудники, но они, в основном, просто собирали информацию, так как поймать кого-либо, умеющего шифроваться, было очень непросто.

– Да, слышал, – подтвердил я. – И что же там говорят?

– Какое-то время назад пропал один из наших. Его ники: Унгерн, Чёрный барон и, реже, Тевтонец. Перед исчезновением он говорил, что познакомился с каким-то крутым специалистом, который обещал его многому научить. Таких, мол, никогда не встречал, очень умный мужик. Чтоб ты понимал, гражданин начальник, Унгерн сам был одним из лучших, хвалил кого-то очень редко, и потому такая характеристика из его уст очень впечатляла. С тех пор пропало ещё несколько спецов. И кто-то, я не знаю кто, сделал практически невозможное: сумел хакнуть базу БАМа.

– БАМа? Того самого?

– Не того, который железная дорога, а того, который крупнейший в Айсберге магазин запрещённых штуквин. База была децентрализована и запрятана глубже некуда. Несколько десятков мелких серверов по всему Союзу, сотни физических носителей, специально написанные протоколы шифрования, ключи у разных людей, прокси чуть ли не через сотые руки, – и кто-то всё это расковырял за пару дней.

Увлекательно рассказывает, сукин сын. И не врёт.

– Мы прозвали его Разум. Пытались пообщаться, но он груб и неразговорчив. Кроме того, выйти на него очень сложно. Я знаю, почему Контора ищет хакеров: слухами земля полнится. Депутатов убили чужими руками, взяли людей под контроль через боевые имплантаты. Кроме него, никто не сможет это сделать.

Я всматривался в лицо Ионо, стараясь найти хоть малейшие признаки лжи, – и не находил.

– Хорошо. Давай только уточним некоторые детали...

Я гонял хакера по его показаниям, задавал уточняющие вопросы, пытался подловить на несоответствии или лжи, иногда кричал и угрожал, пару раз всё-таки ударил его шокером, но это всё было бесполезно. Ионо не лгал.

Когда я вызвал перед глазами часы, то обнаружил, что прошло очень уж много времени с момента начала допроса. В «бункере» воздух стал серым от табачного дыма, а к первой паре стаканчиков кофе прибавилось ещё две. Стол был перепачкан коричневыми мокрыми липкими пятнами, а Ионо окончательно измотан.

– Ладно. Сейчас тебя отведут в камеру.

– Мы же договорились? – спросил хакер настороженно.

– Да, – соврал я. – Я поговорю с твоей «тройкой». Можешь быть свободен. Работай хорошо – и, может быть, даже заслужишь амнистию.

Покинув бункер, я направился к кофемашине. Поскольку я засыпал прямо на ходу, кофе хотелось колоть внутривенно. Рядом с ближайшим аппаратом уже кучковались ребята из отдела – такие же помятые.

– Ну что? – спросил наш альфа-самец Вадик, высокий, плечистый и курчавый. – Сознался?

– Не-а, – я занял очередь к тарахтящей машине.

– А чего так? – удивился коллега. – Мой, вон, сознался, – оскалился он.

– И мой тоже, – поддакнул молодой человек, только недавно «воскрешённый» взамен утилизированного предшественника.

– Как это так: у всех сознались, а у тебя – нет? – хохотнул Вадик. – Хочешь, я его... того?

– Не, не надо, – покачал я головой, устанавливая кружку под струю кофе. – Я сам как-нибудь. Того.

«Альгвазилы хреновы».

– Ну, как знаешь.

Кофе не принёс облегчения. Я прислонился к стене, закрыл глаза и простоял так несколько минут, пока не вздрогнул, поняв, что выключаюсь.

Нельзя. Нельзя. Надо пойти к себе в кабинет, отрапортовать Палычу о зацепках и продолжить заниматься делом. Побегать по Москве, пострелять во всяких врагов народа – и сонливость сама уйдёт.

Возле моего кабинета топтался незнакомый тип в серой милицейской шинели со сверкающими медными пуговицами. Я прошёл мимо, обратив на него внимания не больше, чем на предмет мебели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.